ОГОНЁК

№ 45 НОЯБРЬ 1948
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ОГОНЁК
№ 46 (1119) 14 НОЯБРЯ 1948
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
26-й год издания
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Торжественное заседание Московского Совета 6 ноября 1948 года в Большом театре. Товарищ В. М. МОЛОТОВ выступает с докладом о 31-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Фото Дм. Бальтерманца

7 ноября на Красной площади в Москве

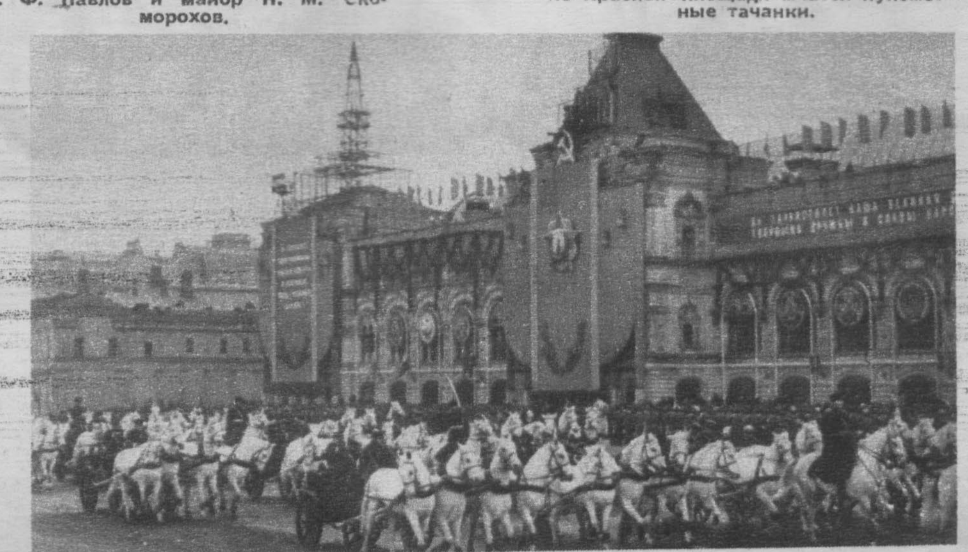

← Военная Академия имени Фрунзе на параде. У знамени — дважды Герои Советского Союза гвардии майор И. Н. Степаненко, гвардии майор И. Ф. Павлов и майор Н. М. Скоморохов.

Перед трибунами проходит наша прославленная пехота.

По Красной площади мчатся пулеметные тачанки.

На трибуне мавзолея 7 ноября 1948 года. Слева направо: товарищи **К. А. Вершинин, С. М. Буденный, А. В. Хрулев, Л. А. Говоров, И. С. Конев, А. М. Василевский, К. А. Мерецков, С. К. Тимошенко, Н. А. Булганин, В. М. Молотов, Н. М. Шверник, К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков, Л. М. Каганович, А. А. Андреев, Г. М. Попов, Н. А. Вознесенский, А. Н. Косыгин, А. А. Кузнецов, М. А. Суслов, М. Ф. Шкирятов, П. К. Пономаренко.**

Фото Дм. Бальтерманца

Идут машины с десантными войсками.

На стволах тяжелых орудий почетные отметки — боевой счет уничтоженной вражеской техники.

На головном танке Герой Советского Союза старший лейтенант В. Г. Тырса с гвардейским знаменем в руках. →

Фото А. Гостева и М. Савина

Страна торжественно отметила 31-ю годовщину Великого Октября

Над Красной площадью — эскадрильи самолетов,—начался воздушный парад.

Фото С. Фридлянда

По Красной площади проходят колонны славных физкультурников столицы.

Фото А. Гостева

Более 800 тысяч москвичей приняло участие в демонстрации.

Праздник в колхозе «Победа», Московской области.

Фото В. Евграфова

7 ноября вся страна слушала радиопередачу с Красной площади. Писатели, журналисты и дикторы Всесоюзного радиокомитета рассказывали радиослушателям о параде и демонстрации. На снимке: писатель Л. Никулин ведет передачу. Рядом — диктор Ю. Левитан и поэт А. Софронов.

Фото Дм. Бальтерманца.

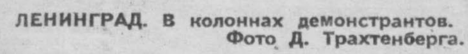

На Красную площадь вступили колонны москвичей.

Фото Я. Рюмкина

ЛЕНИНГРАД. Нахимовцы на параде.

ЛЕНИНГРАД. В колоннах демонстрантов.
Фото Д. Трахтенберга.

КИЕВ. Парад войск Киевского гарнизона.

Фото Г. Угриновича (ТАСС)

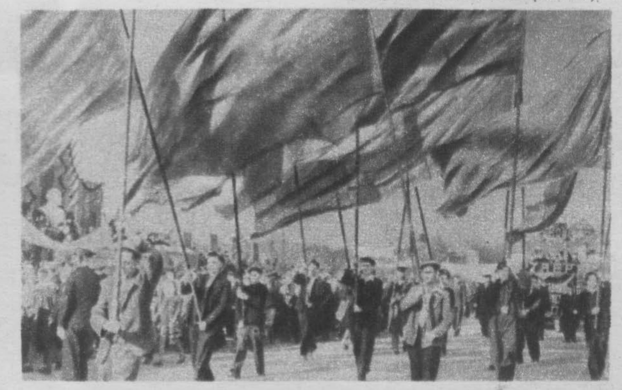
СЕВАСТОПОЛЬ. Школьницы на демонстрации.

Фото Б. Шейнина (ТАСС)

ОДЕССА. Знаменосцы проходят мимо трибун.

Фото А. Фатеева (ТАСС)

Праздничный салют в Москве. →

Фото Дм. Бальтерманца.

ЧЕХОСЛОВАКИИ 30 ЛЕТ

Трудящиеся Праги у памятника Яну Гусу слушают речь Клемента Готвальда.

Президент Чехословакии Клемент Готвальд.

Премьер-министр и председатель Центрального совета профсоюзов Чехословацкой республики Антонин Запотоцкий.

В. МЕДОВ

Погожая, прозрачная осень стоит в Чехословакии. Леса в яркой осенней позолоте, горы и долины покрыты легким туманом. На полях крестьяне заканчивают последние сельскохозяйственные работы.

Вся Чехословакия в эти дни живет большим общенациональным праздником.

28 октября 1918 года была провозглашена независимость Чехословакии. Тридцатилетнее существование республики — знаменательное событие в жизни двух братских народов.

История чехов и словаков полна описаний жестоких и кровавых битв этих славянских народов против немецких захватчиков. Длительное национальное порабощение не подрывало веры чехов и словаков в победу их правого дела.

С давних пор они с надеждой смотрели на Восток, на протяжении почти тысячелетия, преодолевая всякие препятствия, стремились сблизиться с великим русским народом, познать его культуру, искали у него защиты и помощи.

В итоге первой мировой войны монархическая Австро-Венгрия, бывшая тюрьмой для чехов и словаков, распалась. Победа в России Великой Октябрьской социалистической революции, провозглашение Лениным и Сталиным лозунга о праве наций на самоопределение вплоть до государственного отделения были могучим призывом к освободительной борьбе также для трудящихся Чехии и Словакии.

14 октября 1918 года в Праге, Брно, Пльзне, Моравской Остраве и многих других городах вспыхнула всеобщая забастовка, вылившаяся во властное требование трудящихся о предоставлении национальной независимости.

28 октября 1918 года в Праге была провозглашена самостоятельность Чехословакии. Однако по вине правых социалистов у власти оказались не трудящиеся, а капиталисты и помещики.

Нелегко жилось чехословацкому народу в буржуазной республике. Безработица, преследование прогрессивных сил были обычным явлением. В 1923 году, например, в стране насчитывалось 500 тысяч безработных, а в 1937 году — 780 тысяч человек. В старой Чехословакии рабочий класс и его партия вынуждены были бороться за свои права.

Правящие круги Чехословакии всячески старались отвлечь внимание народа от Советского Союза и переориентировать его на Запад. Даже перед лицом все возрастающей опасно-

сти со стороны немецкого фашизма прежние правители отказывались вопреки воле трудящихся установить прочный союз с советским государством. Чешская буржуазия играла роль проводника политики империалистических кругов Великобритании, Франции, толкавших Гитлера к агрессии против Советского Союза и других славянских стран.

В результате осенью 1938 года разразилась национальная катастрофа. 30 сентября Гитлер, Муссолини, Чемберлен и Даладье подписали в Мюнхене смертный приговор Чехословакии. Преступный сговор за счет национальных интересов Чехословакии вызвал возмущение трудящихся. Народ рвался в бой за независимость своей родины. Но правящие круги отвергли предложение о помощи, сделанное Советским Союзом.

В годы Великой Отечественной войны героическая борьба советского народа воодушевляла чехов и словаков, а совместные военные действия против гитлеровцев еще сильнее сближали Чехословакию и СССР. 12 декабря 1943 года в Москве был подписан договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве между Чехословакией и СССР, положивший начало вечной дружбе народов этих стран.

9 мая 1945 года советские воины по приказу Генералиссимуса И. В. Сталина, громя и сокрушая противника, освободили Прагу — столицу Чехословакии. Страна вновь обрела независимость. И первый танк Советской Армии, вошедший в Прагу, стоит на пьедестале на одной из ее площадей как символ новой эры в истории Чехословакии.

После разгрома гитлеровской Германии Советской Армией рабочий класс и трудящиеся Чехословакии стали строить республику на новых началах: были национализированы крупная промышленность и банки, конфискована земля, принадлежавшая немецким оккупантам и помещикам, сотрудничавшим с фашистами, созданы новые органы власти, проведены значительные прогрессивные преобразования в политической и культурной жизни страны.

Коммунистическая партия, которая все время указывала народу правильную дорогу и проявила себя подлинным защитником его интересов, стала играть главную роль в управлении страной. По предложению компартии был принят двухлетний план восстановления народного хозяйства. В 1947 году, несмотря на засуху и саботаж со стороны реакционных сил, годовой план был выполнен. За девять месяцев 1948 года план выполнен на 102,1 процента. Многие фабрики и заводы, развернув трудовое соревнование, завершили двухлетний план к 30-летию республики.

По мере того, как чехословацкий народ множил свои успехи, росла злоба и ненависть внутренней и международной реакции к народно-демократическому строю. В феврале 1948 года министры-реакционеры, представлявшие в правительстве национально-социалистическую, народную католическую и словацкую демократическую партии, спровоцировали правительственный кризис в расчете захватить власть. Реакционеры, действуя по планам своих западных хозяев, намеревались реставрировать в стране старые порядки и превратить Чехословакию в базу англо-американских экспансионистов.

Прага, вся Чехословакия никогда не забудут 21 февраля 1948 года. В этот день на исторической Староместской площади, у памятника Яну Гусу, собрались трудящиеся Праги. Республика была в опасности, и люди прибыли сюда по призыву компартии и ее руководителя Клемента Готвальда. Народ властно потребовал изгнания из правительства министров-реакционеров и образования нового, народного правительства. 25 февраля президент Бенеш, выполняя волю народа, утвердил состав нового, народного правительства во главе с Клементом Готвальдом. С тех пор Чехословакия вышла на широкую дорогу своего демократического развития. 9 мая 1948 года, в день победы над гитлеровской Германией, была принята новая конституция. Вслед за тем был реализован закон о национализации всех промышленных предприятий, насчитывающих более 50 рабочих, и проведен ряд других реформ.

В мае 1948 года состоялись выборы в Национальное собрание, подтвердившие волю трудящихся строить республику на социалистических основах. Народ снова выразил доверие коммунистической партии, которая сейчас располагает в парламенте 237 мандатами из 300.

14 июня 1948 года — знаменательная дата в истории новой Чехословакии. В этот день Клемент Готвальд, руководитель компартии, в качестве всенародного кандидата был избран президентом республики. Выходец из народа, бывший рабочий Клемент Готвальд стал во главе управления государством.

Запотоцкий — потомственный рабочий, вид-

Чехословацкий народ решительно протестовал против сговора в Мюнхене. 1 октября 1938 года перед зданием парламента. Поднятые руки означают присягу верности республике.

На самом возвышенном месте в Праге, на Жаткове... Памятник-музей национального освобождения Чехословакии.

Карловы Вары. Колоннада.

Пражский Град (кремль)—резиденция президента республики.

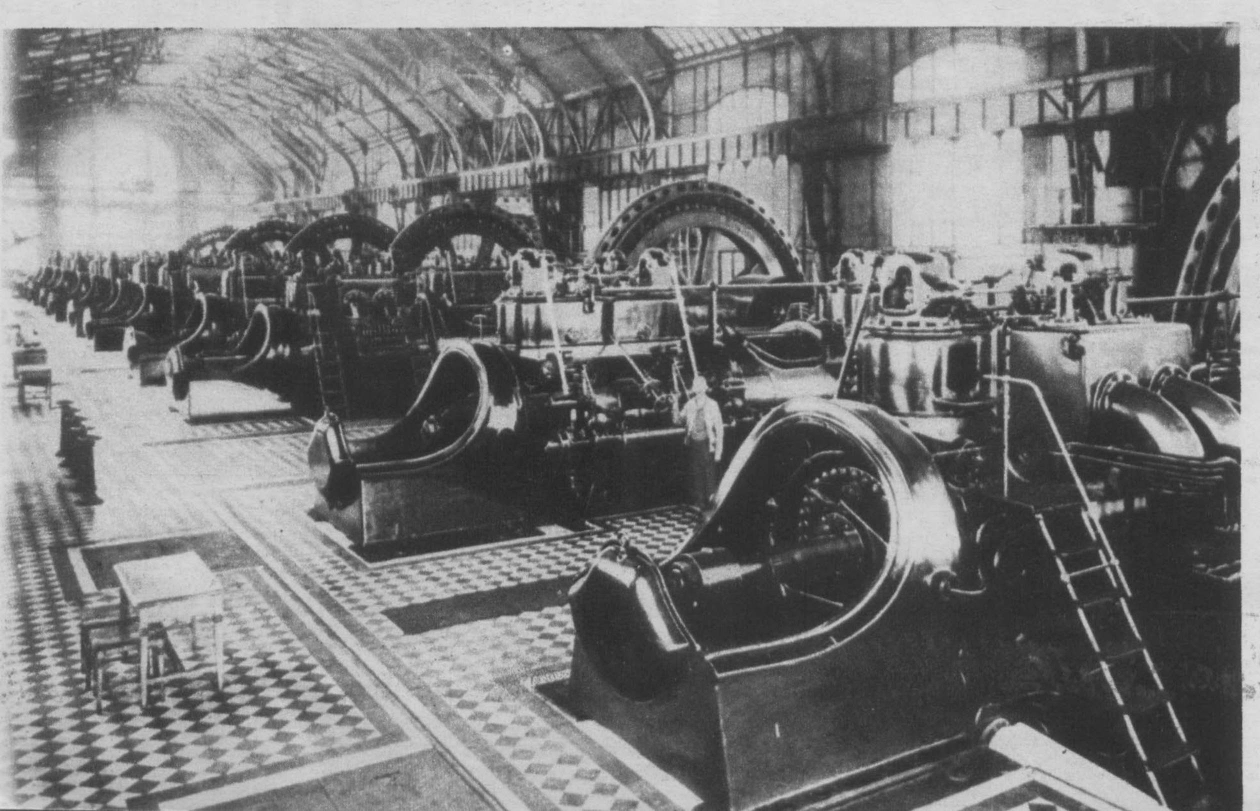
Население Праги радостно встречает советских воинов. 9 мая 1945 года

В цехе завода в Челаковицах.

Национальный театр в Праге всегда был рассадником передовых идей своего времени.

← На Витковицком заводе.

нейший деятель профсоюзного движения и один из основателей компартии Чехословакии — стал премьер-министром. В старой Чехословакии, а потом в годы немецкой оккупации он многие годы провел в тюрьмах и концлагерях.

* * *

Чехословацкий народ преисполнен глубокой благодарности великому Советскому Союзу за свободу и независимость, которые принесла ему наша победоносная армия. Растут и крепнут экономические и культурные связи между СССР и Чехословакией.

«Краткий курс истории ВКП(б)» — настольная книга многих тысяч коммунистов и прогрессивных людей Чехословакии. Изданный на чешском языке тиражом в 167 тысяч экземпляров, «Краткий курс» разошелся в короткое время. Эта книга вышла также и на словацком языке. Произведения Ленина и Сталина глубоко изучаются и служат теоретическим руководством для деятелей Чехословакии в строительстве социализма.

«Союз чехословацко-советской дружбы» объединяет более 500 тысяч членов. В него также входят в качестве коллективных членов чехословацкие профсоюзы и союз молодежи, насчитывающие в своих рядах около трех миллионов человек. Журнал «Свет Совету» («Страна Советов»), издаваемый «Союзом чехословацко-советской дружбы», является самым популярным иллюстрированным журналом в Чехословакии, его тираж — 150 тысяч экземпляров.

С мая по октябрь текущего года в Чехословакии только на чешском языке изданы произведения 510 русских классиков и советских авторов. Книги «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Дни и ночи» К. Симонова и многие другие стали самыми популярными в Чехословакии. По ним учится и на них воспитывается чехословацкая молодежь.

Народы Чехословакии хорошо знают, что великий Советский Союз обеспечил самостоятельное существование чехословацкого государства. Поэтому тридцатилетие независимости Чехословакии праздновалось под лозунгами: «Без 7 ноября 1917 года не было бы 28 октября 1918 года. Без СССР не было бы свободной и независимой Чехословакии. Дружба с Советским Союзом — самая надежная гарантия свободы и безопасности Чехословакии».

Празднование 30-летия независимости Чехословакии дополняется еще одним очень важным событием.

7 октября этого года правительство внесло на рассмотрение Национального собрания первый пятилетний план реконструкции и развития народного хозяйства Чехословакии на 1949—1953 годы. При его обсуждении премьер-министр Запотоцкий заявил, что этот план будет важным этапом на пути народно-демократической Чехословакии к социализму. План закрепит и упрочит национализированное хозяйство, подведет новую, более совершенную базу под промышленность и сельское хозяйство, создаст новые возможности для повышения культурного и материального благосостояния трудящихся.

По этому плану, капиталовложения за пятилетие составят свыше 336 миллиардов крон. Объем продукции национализированной промышленности за 5 лет увеличится на 57 процентов по сравнению с 1948 годом. Главное внимание обращено на развитие таких отраслей промышленности, как металлургия, машиностроение, энергетика. Национальный доход за пятилетие возрастет на 48 процентов. Предусмотрено также развитие культуры, науки, искусства, здравоохранения. Радостно встретили народы Чехословакии свой первый пятилетний план.

— Мы,—сказал однажды президент Клемент Готвальд,— смело смотрим в будущее. Мы верим в наши собственные силы, мы верим в успех нашего дела, потому что прочно опираемся на могучий Советский Союз, на страны народной демократии, на все прогрессивные и передовые силы и сторонников мира и безопасности во всем мире.

И. И. Бродский. ПОРТРЕТ М. В. ФРУНЗЕ.

И. И. Бродский. К. Е. ВОРОШИЛОВ НА ЛЫЖНОЙ ПРОГУЛКЕ.

Программа великих работ — в действии

Что практически делается по осуществлению принятой Советом Министров СССР и ЦК ВКП(б) программы наступления на засуху?

С таким вопросом корреспондент «Огонька» обратился в Министерства сельского и лесного хозяйства СССР.

— Наше первоочередное дело,— сказал заместитель министра сельского хозяйства СССР тов. Черемушкин,—заготовить сейчас как можно больше семян древесных пород и подготовить почву под будущие лесопосадки. В этом году хороший урожай желудей; можно собрать также много крылатки клена и ясеня, стручков белой акации, косточковых. Всего должно быть заготовлено не менее 4 тысяч тонн семян, что позволит создать лесные питомники на площади, превышающей 6 тысяч гектаров. Вместе с посевами нынешнего года эти питомники дадут в 1949 году и к весне 1950 года около 3 миллиардов сеянцев. Таким образом, выполнение плана закладки колхозных лесных полос будет обеспечено.

Оставшееся до зимы время используется для лесонасаждений и подготовки почвы под посадки будущего года. План глубокой вспашки на три четверти уже выполнен.

На решение партии и правительства колхозы отвечают превышением заданий по закладке новых полезащитных полос. Чкаловская, Тамбовская, Сталинградская области, а также степные области Украины план посадок этого года уже перевыполнили.

Министерство сельского хозяйства принимает меры, чтобы наряду с выполнением государственного плана выпуска механизмов были также использованы местные производственные возможности. Сталинградские областные организации решили на предприятиях области изготовить 350 лесопосадочных машин. Нет сомнения, что почин сталинградцев найдет широкий отклик и в других районах страны.

* * *

Лесозащитные станции (ЛЗС) — это опорные пункты механизации лесного дела. В 1949—1951 годах должно быть организовано 570 таких станций: 300 — Министерством лесного хозяйства и 270 — Министерством сельского хозяйства.

Министерство лесного хозяйства СССР занято разработкой плана размещения ЛЗС. Для 50 станций, которые должны вступить в строй в 1949 году, сейчас определяются пункты их местонахождения, подбираются кадры.

Специальная экспедиция, направленная Министерством лесного хозяйства в район Сарпинских озер (Астраханская область), изучит лесорастительные условия астраханских степей, произведет исследование почв, установит наиболее целесообразный для посадок ассортимент лесных пород.

В 1949 году Министерство лесного хозяйства СССР должно обеспечить посадку леса в степных и лесостепных районах на площади в 164 100 гектаров и произвести облесение и закрепление песков на 22 400 гектарах. Лесные посадки предстоящего года будут полностью обеспечены посадочным материалом и вспаханной почвой.

* * *

В осуществление великих работ по покорению засухи активно включаются научно-исследовательские учреждения. По указанию Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина эти учреждения соответствующим образом пересматривают свои программы и тематику научных работ.

Всесоюзный научно-исследовательский институт агро-лесомелиорации проводит в 5 опорных пунктах опытные посевы леса гнездовым способом по методу академика Т. Д. Лысенко. Усиливается работа по селекции древесно-лесных пород, а также по вегетативной гибридизации.

В этой области у института уже есть некоторые достижения. Пользуясь методом вегетативной гибридизации, научный сотрудник, кандидат сельскохозяйственных наук А. В. Альбенский вывел новый, чрезвычайно перспективный вид тополя, который дает ежегодный прирост древесины в полтора метра и отличается крупными листьями.

Институт агро-лесомелиорации ведет большую работу по механизации лесного дела. Зарубежные страны не имеют лесопосадочных машин. Приоритет в создании машин для лесного хозяйства принадлежит советским конструкторам.

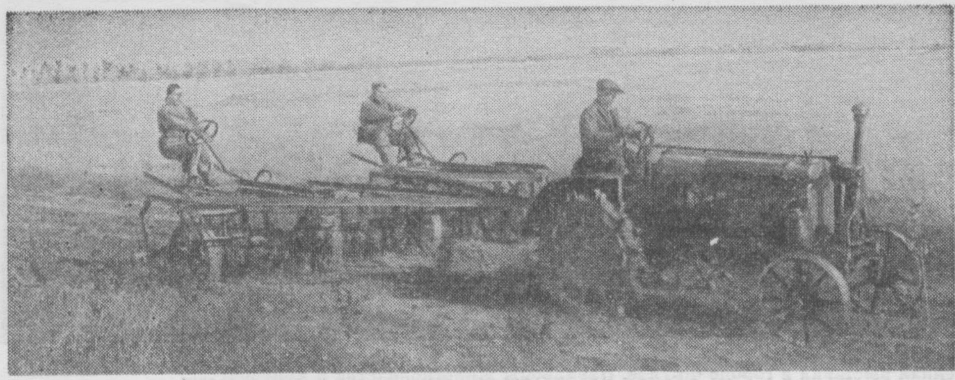
Лучшей из них признана лесопосадочная машина «ПЧ-2» конструкции М. И. Чашкина, которая примерно в 10 раз сокращает затрату труда на посадки. Высокой производительностью отличается и машина «ПН-5», сконструированная А. Н. Недашковским.

Недавно закончены государственные испытания новых образцов лесных культиваторов, облегчающих уход за посадками в первые годы их роста. Тракторный культиватор сконструирован лауреатом Сталинской премии Ф. М. Соловей, конный — М. И. Чашкиным.

Институт агро-лесомелиорации продолжает разработку новых типов машин для лесного хозяйства.

Как сообщил корреспонденту «Огонька» директор Института леса Академии наук СССР профессор П. В. Васильев, институт примет участие в проектировании и закладке одной из государственных лесных полос в бассейне Дона. Весной будущего года несколько экспедиций института всесторонне изучат лесорастительные условия в районах облесения.

В ближайшее время Институт леса выпустит два сборника материалов по лесоводству. Один — обобщающий достижения науки, и второй, рассчитанный на массового читателя, — по практическому осуществлению лесопосадок и уходу за ними. Оба сборника выйдут под редакцией виднейшего лесовода страны академика В. Н. Сукачева.

Лесной тракторный культиватор «КЛТС-6».

НАКАНУНЕ 30-ЛЕТИЯ БЕЛОРУССКОЙ ССР

Белорусский народ готовится отметить славный юбилей — 30-летие своей республики.

В Минске, в государственном музее будет открыта выставка, которая отразит историю БССР, путь, пройденный республикой за 30 лет.

К празднику также организуется республиканская художественная выставка. Народный художник БССР, лауреат Сталинской премии З. Азгур и заслуженный деятель искусств БССР А. Глебов заканчивают скульптурный портрет И. В. Сталина. Художник Е. Красовский пишет картину «И. В. Сталин и С. Орджоникидзе в штабе Западного фронта в 1920 году».

Театры Белоруссии покажут в дни юбилея свои лучшие постановки. Начался массовый предпраздничный смотр рабочей и колхозной художественной самодеятельности. Студия «Белорусфильм» готовит новую картину — «30 лет БССР».

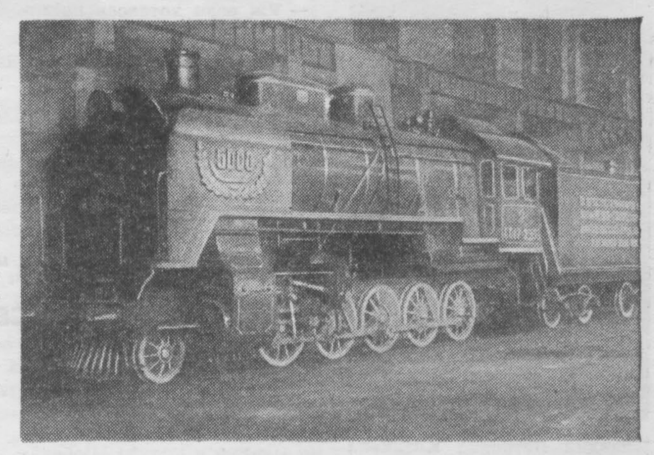
На памятных зданиях Минска, связанных с историей Октября и возникновением белорусского советского государства, будут установлены мемориальные доски.

В честь юбилея рабочие крупнейших новостроек Минска — тракторного, автомобильного и велосипедного заводов — досрочно завершили выполнение годовых производственных заданий.

Во многих городах, районных центрах и колхозах Белоруссии заложены новые парки, скверы, сады.

В ознаменование 30-летия будет проведена юбилейная сессия Верховного Совета БССР.

ПЯТИТЫСЯЧНЫЙ ПАРОВОЗ

Коллектив Красноярского паровозостроительного завода непрерывно работает над усовершенствованием конструкции локомотивов и увеличением их выпуска.

Недавно Красноярский завод выпустил 5-тысячный паровоз. Это событие было радостно отмечено коллективом паровозостроителей.

Фото М. Хайтович

20 000 РУБЛЕЙ НАКОПЛЕНИЙ В ДЕНЬ

В канун 31-й годовщины Великого Октября московский завод счетных и пишущих машин досрочно закончил выполнение годовой программы. В счет двух московских миллиардов завод обязался дать два миллиона рублей сверхплановых накоплений.

Первые 300 тысяч рублей завод уже внес в Государственный банк.

В плановом отделе завода нам рассказали, из чего складываются эти дополнительные накопления. Вот несколько примеров. На обработку корпуса пишущей машинки раньше затрачивалось 142 минуты. По предложению мастера Филенкова и технолога Третьякова эта операция была переведена на поток. Время на обработку каждого корпуса уменьшилось до 113 минут. На конвейер перешел и сборочный цех. Сейчас он ежедневно перевыполняет план.

Большой экономии добились на заводе в расходовании металла благодаря тому, что ввели способ литья под давлением, а обработку деталей заменили автоматической штамповкой.

В цехах начался общественный смотр резервов накопления: выявляются новые источники экономии сырья и электроэнергии, возможности более рационального использования рабочей силы и оборудования.

В первом квартале завод работал убыточно, сейчас в среднем сверхплановые накопления достигают ежедневно 20 тысяч рублей.

Борьба за сверхплановые накопления сделалась кровным делом всего коллектива.

Первый вальс текстильщиц комбината имени В. И. Ленина.

ПРАЗДНИЧНЫЙ БАЛ ТЕКСТИЛЬЩИЦ

Когда ранние ноябрьские сумерки окутали улицы текстильного поселка Глухова, центральная площадь озарилась ярким светом, идущим из широких окон двухэтажного особняка. Здесь, в клубе хлопчатобумажного комбина-

Клавдия Петровна Котикова проработала на фабрике вдвое больше лет, чем насчитывается со дня рождения Анны Филиной. Обе они уже выполнили свои пятилетки.
Фото Г. Дубинского

та имени Ленина, начался бал молодых текстильщиц — победительниц в предоктябрьском социалистическом соревновании.

Бал в разгаре. Его открыли текстильщицы бумагопрядильной фабрики, завоевавшие почетное право быть в первой колонне на Октябрьской демонстрации. Они уже выполнили годовой план. В задорном темпе кружатся пары, и чудится, что в веселье этого праздничного вечера вошел тот зажигающий ритм, тот огонь молодости, которыми отмечены трудовые будни хозяев сегодняшнего бала.

Мы беседовали со многими работницами. Анна Филина, Мария Алексанова, Мотя Безлепкина, Роза Новикова говорили о планах на будущее, о своей жизни. Никто из них не зарабатывает меньше тысячи рублей в месяц. Девушки живут в отличных общежитиях, большинство учится: кто — в школе рабочей молодежи, кто — заочно в вузах.

В будущем году Глуховская мануфактура отмечает столетие со дня основания.

Матрена Хитрова за полвека работы вырастила сотни молодых ткачих. Она с улыбкой смотрит на своих учениц, вспоминает о своей молодости. В здании этого клуба при фабриканте Морозове помещалось «Общество приказчиков». Танцовали здесь только купеческие жены и дочки и галантные молодые люди. Иногда пускали поглядеть на танцы и «фабричных». Но тогда зал отделяли бархатными шнурами, за которые текстильщицам хода не было и носа сунуть.

— Уж если хотелось потанцовать, — говорит Хитрова, — отправлялись в соседнюю деревню и плясали в своем кругу.

Задорно тряхнув седеющей головой, Хитрова вдруг поднимается с дивана, идет в круг танцующих и пускается в пляс.

Весело гремит музыка. Праздничный бал текстильщиц затянулся до глубокой ночи.

А. Л.

КОРОТКО

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ПОЧВОВЕДЕНИЯ ИМЕНИ В. В. ДОКУЧАЕВА вновь открыт в Ленинграде. Значительно расширена экспозиция. Создан новый отдел—истории почвоведения в нашей стране. Богатые материалы отражают передовое учение Докучаева, Вильямса и других о травопольной системе земледелия, подъеме урожайности, борьбе с засухой.

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И ЗАБАЙКАЛЬЯ широко отметила тридцатилетие Иркутского государственного университета имени А. А. Жданова. За годы своего существования университет дал стране свыше четырех тысяч высококвалифицированных специалистов.

ПРАХ РУБЕНА ИБАРРУРИ — СЫНА ДОЛОРЕС ИБАРРУРИ — перенесен из Средней Ахтубы в Сталинград и предан земле на площади Павших борцов. В Великую Отечественную войну Рубен, сражаясь в рядах героической Советской Армии, мужественно защищал волжскую твердыню. Командуя пулеметной ротой, он был в бою смертельно ранен и умер в среднеахтубинском госпитале. На траурном митинге по поводу перенесения праха присутствовали тысячи сталинградцев. На могилу возложены десятки венков и среди них большой венок с надписью «От матери и сестры горячо любимому сыну и брату».

МИЧУРИНСКИЕ ЧТЕНИЯ широко проводятся в высших учебных заведениях Каунаса. К чтению привлечены виднейшие литовские ученые.

ПОЛЬСКОЕ НАРОДНОЕ ИСКУССТВО

В Москве открылась выставка польского народного искусства и художественных ремесл. В выставочных залах Академии художеств СССР представлены образцы национальных костюмов, крестьянские шерстяные и льняные ткани, ковры, куклы, декоративные ткани, кружева, вышивки, игрушки. Всего здесь собрано около 800 экспонатов.

На снимке: в одном из залов выставки.

Фото В. Евграфова

«МОСКВИЧИ» НА УЛИЦАХ БАКУ

С каждым днем на улицах Баку появляется все больше новеньких блестящих «москвичей». Эта машина быстро завоевала популярность у трудящихся города нефти и оценена ими по достоинству.

В числе первых покупателей были: Герои Социалистического Труда Басти Багирова и Кудрат Самидов, доцент Азербайджанского университета имени Кирова С. Джафаров, заслуженный артист республики М. Санани, профессор педагогического института И. Ибрагимов и другие. На снимке: председатель колхоза имени Сталина Герой Социалистического Труда Д. Мурадов выбирает машину.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА В КИРГИЗИИ

Во Фрунзе открылась выставка достижений сельского хозяйства республики. Киргизия — страна широко развитого животноводства. Племенные совхозы «Аламедин», имени Ильича и колхоз «Победа» демонстрируют коров, дающих рекордные удои—5—7 тысяч килограммов молока в год. Внимание посетителей привлекает курдючный баран из Алайской долины весом в 140 килограммов, донской жеребец «Еруслан» конезавода № 54, поставивший в этом году всесоюзный рекорд — он пробежал 1200 метров за 1 минуту 23 секунды.

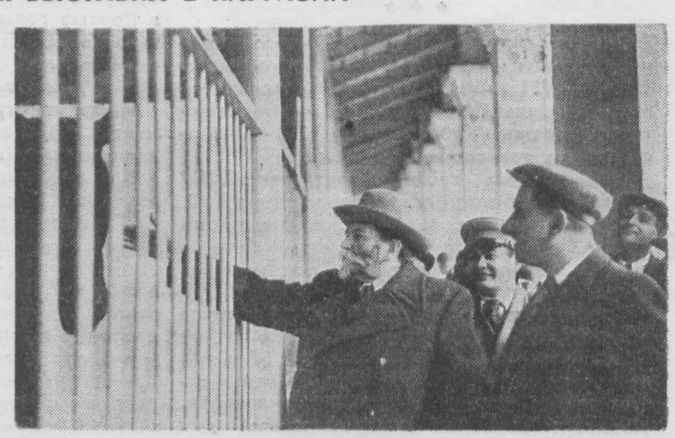
Республика занимает первое место в стране по урожайности свеклы. Участник выставки колхоз «Гигант», Ворошиловского района, получил на 45 гектарах по 620 центнеров свеклы.

В павильонах выставки представлены также экспонаты, свидетельствующие о росте в Киргизии посевных площадей и урожаев зерна, хлопка, табака, фруктов, эфиро-масличных культур. Колхоз имени Ленина, Ворошиловского района, — экспонент выставки — получил в 1947 году от садоводства и виноградарства 1 миллион 600 тысяч рублей прибыли.

Участниками выставки являются многие передовики сельского хозяйства Киргизии. Среди них Герой Социалистического Труда Суракан Кайназарова, получившая на своем участке более тысячи центнеров сахарной свеклы с гектара, Герой Социалистического Труда Токтоналы Эркинбаев, вырастивший за год 50 жеребят от 50 кобыл, комсомолка Евдокия Базавлюк, показавшая образцы ухода за свеклой, и многие другие.

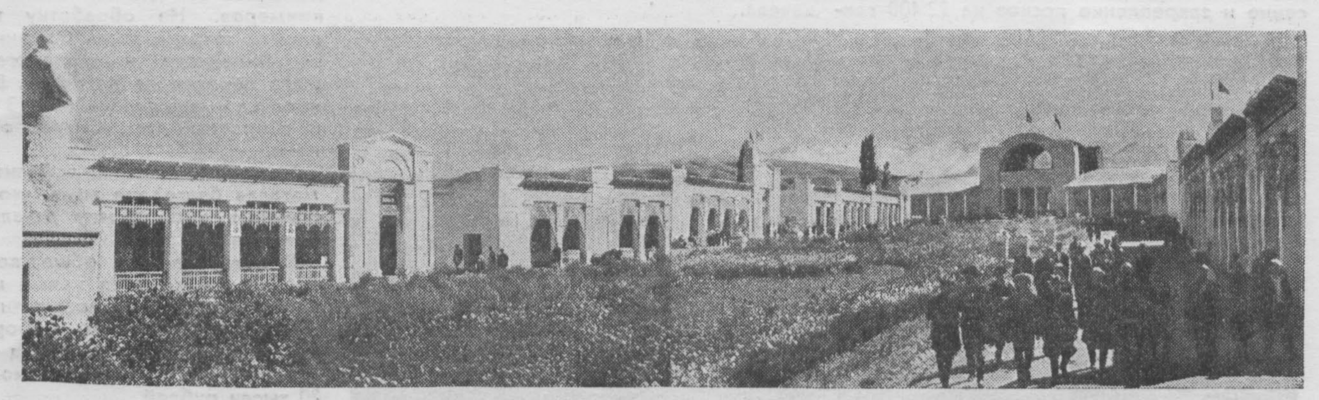
Республиканская сельскохозяйственная выставка — яркое свидетельство успехов социалистической Киргизии.

А. Ю.

Председатель президиума Киргизского филиала Академии наук СССР академик К. И. Скрябин в павильоне коневодства.

Фото Г. Графкина.

Сельскохозяйственная выставка в городе Фрунзе. Павильоны животноводства и коневодства.

Интервью „Огонька“

Выборы народных судов

Президиум Верховного Совета РСФСР утвердил Положение о выборах народных судов Российской Федерации. Утверждены Положения о выборах и в других союзных республиках.

Корреспондент «Огонька» обратился к министру юстиции СССР тов. К. П. Горшенину с просьбой охарактеризовать роль народных судов в общей системе советского правосудия и рассказать о том, как будут проводиться их выборы.

Министр юстиции СССР К. П. ГОРШЕНИН.

— Характерной чертой формирования всех звеньев советской судебной системы, — сказал К. П. Горшенин, — является их выборность.

Гениальный организатор советского государства Владимир Ильич Ленин неоднократно указывал на необходимость привлекать к работе судов самые широкие массы трудящихся. Это требование В. И. Ленина полностью осуществляется в нашей стране и закреплено в великой Сталинской Конституции. Советский суд — мощное орудие государства в укреплении социалистической законности и правопорядка.

Советское правосудие стоит на страже нашего общественного и государственного устройства, на страже социалистической системы хозяйства и социалистической собственности. Оно защищает и политические, трудовые, жилищные, имущественные права и интересы советских граждан, гарантированные Конституцией.

Задача правосудия в СССР — обеспечение точного и неуклонного исполнения советских законов всеми учреждениями, должностными лицами и гражданами.

Осуществляя возложенные на него задачи, советский суд карает нарушителей закона. Борьба с преступностью, однако, не сводится только к наказанию виновников, ибо само по себе это наказание не устраняет возможности совершения преступления другими лицами. Исключительно велика поэтому воспитательная роль суда. Его задачи в этом направлении определены в статье 3-й Закона о судоустройстве. В ней говорится: «Всей своей деятельностью суд воспитывает граждан СССР в духе преданности родине и делу социализма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правилам социалистического общежития».

Эти воспитательные задачи, — говорит К. П. Горшенин, — лежат в основе работы всех судебных инстанций и в первую очередь народных судов, которые рассматривают подавляющее большинство уголовных и гражданских дел и работа которых протекает на глазах всего населения.

Деятельность народных судов проникнута подлинным демократизмом. Двери суда открыты для всех желающих присутствовать при разбирательстве судебных дел. Демократичны и самая форма и порядок рассмотрения этих дел.

Правосудие в СССР осуществляется на началах суда, единого и равного для всех граждан, независимо от их социального, имущественного и служебного положения, национальной и расовой принадлежности. Закон равен для всех. Каждый гражданин, какое бы общественное или должностное положение он ни занимал, отвечает за нарушение социалистического правопорядка по всей строгости закона.

Говоря о демократизме судебного разбирательства, следует отметить, что в соответствии с Конституцией СССР судопроизводство в наших судах ведется на языке той союзной, автономной республики или автономной области, где происходит разбирательство. Для лиц, не владеющих этим языком, обеспечивается полное ознакомление с материалами дела через переводчика, а также право выступать на суде на родном языке. Обвиняемому в советском суде обеспечено право на защиту.

Однако самая яркая черта демократизма советской судебной системы — выборность судебных органов. Суд социалистического государства потому и называется народным, что правосудие не только совершается именем народа, но и осуществляется самим народом.

Положение о выборах устанавливает, что народным судьей и народным заседателем может быть каждый пользующийся избирательным правом советский гражданин, достигший 23-летнего возраста и не имеющий судимости. Быть судьей в социалистическом обществе — большая честь, налагающая и огромную ответственность. Суд решает судьбы людей. Он учит советских граждан, как жить и вести себя в социалистическом обществе. Суд повседневно борется против пережитков капитализма в сознании людей. Советский народ предъявляет поэтому к своим судьям очень высокие требования.

Недавно Президиум Верховного Совета СССР утвердил Положение о дисциплинарной ответственности судей. В этом Положении говорится, каким должен быть тот, кого советское общество уполномачивает творить правосудие: «Советский судья, избираемый народом, должен дорожить доверием народа и являть образец честного служения Родине, точного и неуклонного соблюдения советских законов, моральной чистоты и безукоризненного поведения, чтобы иметь не только формальное, но и моральное право судить и учить других».

Этими же качествами должен обладать и каждый народный заседатель, права которого не меньше прав народного судьи, а отличие заключается лишь в том, что он призывается к исполнению своих обязанностей только на десять дней в году.

Народный заседатель в советском суде — не безгласный участник процесса, какими были присяжные в царском суде, какими и поныне являются присяжные заседатели судов буржуазных стран. Закон о судоустройстве предусматривает случаи, когда народный заседатель временно может даже заменить судью на его ответственном посту.

Сталинская Конституция устанавливает, что советские судьи независимы и подчиняются только закону. Это означает, что никакие местные влияния не могут отражаться на судьбе дел, рассматриваемых судами.

По нашим законам, — говорит К. П. Горшенин, — независимость судей обеспечивается еще и тем, что освободить их от судебной работы могут только сами избиратели, имеющие право отзыва своих избранников.

Таковы демократические основы организации и самой деятельности советского суда. Этот же демократизм нашел яркое выражение в Положении о выборах народных судов.

Право выборов судей и заседателей принадлежит всему населению. В Положении о выборах народных судов говорится, что в списки избирателей включаются все граждане, мужчины и женщины, имеющие избирательные права и проживающие к моменту составления списков на территории данного Совета, достигшие ко дню выборов 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности. В выборах принимают участие и все военнослужащие.

Президиумы Верховных Советов автономных республик и исполкомы краевых или областных Советов наблюдают за ходом выборов и разрешают жалобы на неправильные действия районных и городских Советов, связанные с выборами. Исполкомы городских и районных Советов регистрируют кандидатов в народные судьи и народные заседатели, снабжают избирательные пункты избирательными бюллетенями, назначают уполномоченных для приема бюллетеней и подсчета голосов, устанавливают результаты выборов, выдают избранным соответствующие удостоверения и, наконец, рассматривают жалобы на неправильные действия уполномоченных по избирательным пунктам.

В Положении о выборах говорится о том, как составляются списки избирателей, как организуются избирательные округа и избирательные пункты. Положение устанавливает порядок выдвижения кандидатов в народные судьи и народные заседатели. Это право предоставляется общественным организациям, обществам трудящихся, а также общим собраниям рабочих и служащих, военнослужащих и крестьян.

Выборы народных судов производятся на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании. День выборов по каждому избирательному округу устанавливается Президиумом Верховного Совета автономной республики, исполкомом краевого или областного Совета депутатов трудящихся. Таким образом, выборы по автономным республикам, краям и областям будут происходить в разное время. Однако в Положении о выборах указано, что выборы должны производиться в нерабочий день и что о дне выборов должно быть объявлено ко всеобщему сведению не позднее чем за 45 дней.

Избранными считаются те кандидаты в судьи и заседатели, которые получат абсолютное большинство голосов, то есть больше половины всех голосов, поданных по округу и признанных действительными.

Таков в кратких чертах, — сказал в заключение К. П. Горшенин, — порядок выборов. Ведя подготовку к выборам народных судов, наши партийные и советские организации должны учесть имеющийся у них опыт организации выборов в Советы депутатов трудящихся. Использование этого опыта поможет провести выборы народных судов четко и организованно. с привлечением самых широких слоев населения.

(Окончание. Начало см. в № 45)

Николай ТИХОНОВ

6. НА ХРАМГЭСЕ

Жаркой масти, желтогривы
Кони древности седой
Здесь, на Цалкинских обрывах,
Проносились над рекой.

От бойцов, что в бой летели,
От несметных тех рядов,
Две—три кости уцелели
Да гробницы холодок.

Среди проволок крученых,
Ожерелий из кремня
Были найдены ученым
Золотые два коня.

Это крошечные кони,
Но работы не простой,
В золотой они попоне,
Даже с челкой золотой.

И стоят, прижавшись тесно,
Золотой огонь в очах...
Инженер седой Храмгэса
На ладони их качал.

Перед ним вода синела,
Где вчера под волчий вой
Котловина каменела,
Жестяной звеня травой.

Перед ним жила плотина,
Где вчера неслась река,
Вспомнил путь тоннелей
длинных,
Их зеркальные бока.

И, свое прищурив око,
Он сказал: «Сигнал я дам,
Золотые кони тока
Полетят по проводам.

И от их огнистой гривы
Станет людям веселей,
Глаз блеснут их переливы
Среди улиц и полей.

И в Тбилиси я с отвеса
Вижу с Цалкинских высот
Золотых коней Храмгэса
В синих улицах полет.

Золотые наши кони —
Братья этим малышам!..»
И малюток на ладони
Он погладил по ушам.

Хорошо сказал строитель,
Сам не ведая того,
Засмеялись тихо кони
На ладони у него.

7. ДОМИК В ГОРИ

Не раз уже видел его я,
По-новому в каждый приход
В своем величавом покое
Тот маленький домик встает.

В нем нет никакой перемены,
Но с новым волненьем опять
Смотрю на суровые стены,
Чтоб заново жизнь осязать.

Вновь пить из такого ж кувшина
Железную воду Куры,
Грядущего видеть вершину
В сиянье далекой горы.

Смотри: по ступенькам хрустящим
С загаром обветренных щек
Сбегает восторженный мальчик,
Неведомый миру еще

И всеми глубин голосами
Ему отвечает земля,
Восходят огни над лесами,
Как близкие звезды Кремля.

Как будто здесь сердце вверяешь
Рукам дорогим и родным,
Себя до конца проверяешь
Пред домиком этим простым.

По кругу дорог быстротечных
Вернувшись на этот порог,—
Услышишь, как плещется вечность,
Как звездное море у ног.

8. КИРОВ НА КАЗБЕКЕ

(9 августа 1910 года)

1

Сначала это был
Скалистый гребень,
В тумане плыл,
Как будто таял в небе.

Весь бурями истесанный
И серый,
Меж безднами-откосами
Висел он.

А над виском
Утесов острых смесь —
Чуть не ползком
По этим плитам лезь.

Вдруг, как во сне,
Туманы размело,
Нога на снег
Ступила тяжело.

2

Шли через плечи
Волны облаков,
И солнцу жечь их
Было нелегко.

Его лучи, врезаясь
В белый ад,
В нем таяли, сражаясь
Наугад.

Вокруг вершины, будто
Корабли,
Всплывали круто,
На волнах росли.

И шли по дну,
Распавшись на куски,
В ту белизну,
Где не видать ни зги.

А надо всем —
Оледенелый гром,
Стоял Казбек,
Светясь на голубом.

3

Лег фирн вокруг...
Глубокий, мягкий снег...
Лишь сердца стук
В великой тишине.

И смотрит ширь
Сейчас не на зарю,—
Как богатырь
Идет к богатырю.

Все медленнее, тише
Каждый шаг,
И легкий слышен
Тонкий звон в ушах.

То словно
Колокольчики снегов
Звенят неровно,
Счет ведя шагов.

...Уперлись в лед,
В зеленую кору,
И вот уж в ход
Пускают ледоруб.

И он звенит
По каменному льду,
Он говорит:
«Взойду! Взойду! Взойду!»

Не сокрушить их.
Вихрю — не смести,
Уже вершина,
Дальше нет пути!

4

Снежок, пыля,
Летит в ущелий дым,
Какой земля
Раскрылась перед ним!

Встает Эльбрус,
Весь залитый огнем,
Как будто куст
Костров горит на нем.

Дыхтау с Ужбой
Выше облаков
Клянутся дружбой
Вечных кунаков.

А там как будто
Кто-то разорвал
И в снег окутал
Стены пестрых скал.

Какая мощь в их пламенных
Тонах,
Какая легкость в каменных
Волнах!

Такой восторг, что даже
И злодей
Откажется от злобы
На людей.

И мастер не найдет,
Чем передать
Такой полет,
Такую благодать!

Ты станешь снег
В восторге целовать.
О человек,
Могу тебя понять!

5

И чувств не счесть,
И как свободен я,
Я вижу здесь,
Как радостна земля.

В степях за Балтой
Нити рек, дорог —
Владикавказ! Как мал ты,
Как далек!

Ты будешь гордым городом,
Когда
Взойдет свободы гордая
Звезда.

И большевик
Все миру в дар отдаст —
От мудрых книг
До всех земных богатств!

И станет мир,
Как с этой высоты,
Неповторим,—
Его увидишь ты.

Сквозь кровь и тьму,
Сквозь всех сражений дым,
Взойдем к нему,
Когда мы победим!

В основу этого стихотворения положено подлинное описание восхождения Сергея Мироновича на Казбек, сделанное им 9 августа 1910 года и описанное им в статье, напечатанной в газете «Терек» № 3815 от 2 сентября 1910 года. (Н. Т.)

9. УМИРАЮЩИЙ БАМБУК

Бамбук умирает, —
Приходит черед и бамбуку,
И он зацветает,
Раз в жизни—на скорую руку.

И желтых цветов этих
Переплетенья —
Ничем не согреть их,
Подернутых тенью.

А розы, как пламя,
Ликуют самшиты,
И тунга цветы, как шелками,
Расшиты.

Бамбук засыпает
И видит в неведомом сне,
Как лес проступает
В тяжелых снегов белизне.

Зарницы дрожат
На высоком чужом берегу,
Две палки бамбука лежат
На снегу.

Они умирают,
Припав к белоснежной земле,
Они зацветают,
Но цвет их заката алей.

Здесь лыжник покинул
Ему предназначенный путь,
Он руки раскинул,
Как будто прилег отдохнуть.

Недвижно лежит,
И слышится смутно ему,
Как Черное море шумит
Через белую тьму.

10. ПЕРЕД НОЧНОЙ АРАГВОЙ

Был час ночной и поздний,
Для меня
Желтел фонарь колхозный
На камнях.

Вода плясала
В свете фонаря,
Моим глазам немало
Говоря.

Как будто в пенах,
Вихрях водяных
Мелькали смены
Быстрых дней моих.

Топя их враз
В холодной быстрине,
Стальной рассказ
Река кидала мне.

От строк шумящих
Глаз отвесть не мог,
От тех летящих,
Леденящих строк.

Их голос плыл
И в уши грохотал:
— Какой ты был,
Каким теперь ты стал...

Смотрел в меня,
В Арагву, ты тогда
При свете дня —
В те юности года.

Смотри ж сейчас,
Мы вместе и одни,
В полночный час,
В седой поток взгляни...

Торчали камни,
И по их плечам
Стекали славно
Струи, клокоча.

Я камнем не был,
Волнами тесним,
И, видит небо,—
Я не буду им.

Фонарь сиял,
Жестоко обнажив
Зеленый шквал
И всплески, как ножи.

Сверкали искры
В свете фонаря,
Как будто освещала их
Заря.

И каждая жила
В огне волны,
Как будто шла
Из самой глубины,

Пронзая ночь
И ночи непокой...
Я был, Арагва,
Искрою такой!

ЭКСПЕДИЦИЯ

Рассказ

И. ФРОЛОВ

Рисунки В. Богаткина

1

Я опять в знакомых краях — в далекой присурской деревне, где родился и рос и где не был уже целых пятнадцать лет! Я отпускник и пользуюсь неограниченной свободой. По многу суток кряду провожу на реке: живу в шалашах, ловлю стерлядь, купаюсь, собираю ежевику и смородину по берегам уединенных поемных озер.

Озер здесь много. Они непрерывно тянутся одно за другим вдоль поймы реки. Только в них почему-то совсем не берет на удочку рыба. Я посетил уже Глушицу, Белое, Ковырлово, Бычок, — рыба, кроме надоедливого бросового окуневого малька, нигде не клевала. Зато как хорошо бродить в дубовых, липовых, вязовых пойменных лесах! Идти по влажным забытым тропинкам от озера к озеру, с заглохшими черными протоками, заросшими папоротником, можжевельником, орешником, калиной, с темными подгнившими мостами через них, где много лет уже никто не ходит и не ездит...

В Подборной заводи я еще не бывал. Она расположена отдельно от других озер, под древними песчаными холмами-дюнами, поросшими частым молодым сосняком. Старожилы нашего села еще помнят, как к этим высоким, не заливаемым рекою в половодье холмам подходила неширокая речная протока. Со временем она отделилась от реки песчаной плотиной и превратилась в заводь. С годами река отошла еще дальше от этих бугров. Песчаная плотина заросла ольхой и тальником. На месте прежней речной протоки осталось узкое кривое озерко — Подборная заводь.

Когда-то я часто посещал это укромное местечко. В озере водились крупные лини, окуни, язи, красноперки. Промысловые рыбаки не заглядывали в Подборную заводь ни с сетями, ни с неводом, и мне никто здесь не мешал. Только изредка меня навещал глухой неразговорчивый старик Маркел Карякин, который ставил в озере несколько крылен на карасей.

Он подплывал ко мне на маленьком долбленом челноке, подбитом жестяными заплатами, останавливал челнок и говорил: «Охотник ты до рыбы-то, видать. Пумал маленечко? Уха-то будет? И то добро! И то — не купленная!..»

Особенно любил я приходить в Подборную заводь в тихие и теплые ненастные дни. Здесь было у меня излюбленное место — старая развесистая ива. Под ее нависшим над водой шатром даже в ненастье было сухо. Я раскладывал под ивой костерок от комаров и проводил тут долгие летние дни, таская из-под коряг и лилий жирных прожорливых окуней.

2

Со связкой удочек через плечо, с корзинкой для рыбы, сачком и банкой с червями я торопливо отшагиваю по открытому приречному лугу к темнеющему впереди сосновому борку на знакомых холмах и вспоминаю те уже почти ушедшие из памяти давние дни.

Солнце медленно спускается к окутанному пыльным облаком бугру за селом, с коричневой силосной башней, с шестикрылой мельницей и частыми рядами снопов пшеницы. До заката остается не так уж долго. Я боюсь упустить эти драгоценные для рыбаков предзакатные минуты и все прибавляю, прибавляю шагу.

С недальних полей доносятся скрип телеги, громкие голоса, урчанье мотора. Тянет запахами спелых хлебов, дегтя, полыни, пыльной горячей земли. Я с жадностью вбираю эти звуки, знакомые и новые для меня, пью эти густые запахи колхозного урожайного лета. И, полно, сто́ит ли куда спешить от этих душистых снопов, от влажного луга, прибрежных песков? От берега, изрешеченного стрижиными гнездами, со старым, знакомым мне с детства осокорем, с будкой бакенщика, с перевальными столбами, украшенными черными и красными сигнальными шарами, которых никогда здесь раньше я не видел!..

Но вот наконец и холмы. Как все тут изменилось за эти долгие пятнадцать лет! Молодые деревца на дюнах вытянулись, возмужали. Они стали тонкими, стройными соснами. Заросли ольхи и тальника переплетаются сплошной стеною. Больше стало камышей и лилий на воде, и озерко выглядит совсем заглохшим, одичалым.

Вот и старая ива. Она засохла и, должно быть, пострадала от грозы. И мое место уже занято кем-то. Под ивой чадит догоревший костер. Рядом с ним стоит рессорная ручная тележка, валяется одежда, и на кустах раскинута для просушки влажная сеть. Рыбака не видать нигде.

Присутствие постороннего человека всегда досадно на рыбной ловле. Я возвращаюсь назад и пристраиваюсь под ольховый куст за поворотом озерка.

Удочки закинуты. Крашеные пробковые поплавки выжидательно стоят на темной воде между широкими сверкающими листьями лилий. Подле них, не торопясь, проходит стая крупных черноспинных головлей. Поплавки недвижимы. Где-то два раза подряд ударила щука. Я разбрасываю вокруг удочек прикормку и закуриваю.

Заходящее солнце горячими косыми лучами зажгло чистые прямые сосны на дюнах. Сосны глубоко и ясно, верхушками книзу, отразились в воде. Они кажутся прозрачными, янтарными свечами.

Приближение рыбака я улавливаю по еле слышному журчанию воды под лодкой и осторожному плеску весла. Мягкая волна ломает отражение янтарных сосен и беззвучно поднимает лилии и мои красные поплавки.

Между кустами лозняка показывается длинный тупоносый ботничок, ветхий, с жестяной заплаткой из консервной банки на борту — совсем такой же, как был когда-то у Маркела.

Но это не Маркел. Незнакомому рыбаку около тридцати, он рослый и сильный, с прямой, хорошо развитой шеей спортсмена, с красивым профилем смуглого лица, почти лилового от загара. На незнакомце выцветшая солдатская гимнастерка со следами недавно снятых погон, с орденскими планками над грудным карманом.

Рыбак сидит на дне ботничка и тихонько разгребает кувшинки широким рулевым веслом. Возле его ног, обутых в непромокаемые рыбачьи бахилы, бьются грузные золотые рыбы.

Заметив меня, он перестает грести и придерживает ботничок, ухватившись свободной рукой за камыш.

— По старой памяти Подборную заводь испробовать решили? — спрашивает он, и длинные складки на его небритых загорелых щеках подчеркивают скрытую, скупую улыбку.

— Да почему-то не берет, — замечаю я и все еще никак не могу припомнить, где видел его раньше.

— Рано еще, жара... — говорит рыбак. — Через полчасика должна брать!

— Едва ли будет... На всех озерах нынче плохо с рыбой...

— Рыбы нет,— подумав, соглашается рыбак.— Но здесь-то брать будет!

— Почему вы так думаете?

Он опять улыбается своей скупой, застенчивой улыбкой и неторопливо достает из ботика еще не уснувшего тяжелого линя, ухватив его пальцем под жабру:

— Видели?

Великолепная бронзовая рыба вяло шевелит сильным округлым хвостом и ловит воздух толстыми зелеными губами.

— Хорош!..— с завистливым восторгом шепчу я.— Чем поймали?

— Красивая рыба!— с восхищением повторяет рыбак, поворачивая в воздухе сверкающего золотом и перламутром линя.— Четыре штуки в одну вершу ввалились! Что их туда занесло — и сам удивляюсь...

— Да, вот это добыча!

— Красивая рыба... Если желаете,— парочку уступлю, по-соседски.

— Ну, зачем же!— отказываюсь я.— Вот самому бы такого поймать!

— Поймаете,— с улыбкой говорит рыбак и звучно бросает линя в лодку.— Здесь рыбы много. Я советую вам утром, на зорьке, попробовать. Лини обычно по утрам берут. А ночевать к нам приходите, под лодку. Ухой накормим.

Он опускает весло в воду и, подумав, обращается снова ко мне:

— Вы не богаты газеткой, на закурки бы на две?.. С утра, не куря, страдаю.

Курительной бумагой я запасся и охотно предлагаю ему.

— Ну, вот и спасибо. Я к вам мальчонку своего подошлю... А между прочим, вы, наверное, меня не помните?.. Рыбаков Тулаевых с Большой улицы знали?

— Семена Семеныча?

— Ну, ну... Так я его сын, Александр. Когда-то вас еще в худой лодке через Кильзян перевозил. И чуть не утопил даже!..

Он сдержанно смеется приятным, грудным баском и уплывает вперед, свободно и легко разгребая веслом кувшинки.

Только теперь, глядя ему вслед, я окончательно узнаю его, Сашку Тулаева, первого на селе забияку и сорванца, грозу сельских мальчишек, завзятого рыбака! Род Тулаевых славился в нашей округе. Никто, кроме них, не вылавливал неводом стерлядей десятками пудов в одну тоню, не возил на продажу лещей небывалых размеров и невиданных в нашей реке трехпудовых сомов, поглазеть на которых народ сбегался со всего базара...

— Минька!— слышу я голос рыбака уже за поворотом.— Иди-ко. Дядя вон тебе курительной бумаги даст!

— А я не знаю, где!

— Найдешь.

— А ты сам-то чего?..

— Ну, ну... Смотри у меня... Опять рыбу чистить заставлю!

Кто-то напролом лезет в мою сторону через чапыжник, и из куста смородины показывается мальчуган лет восьми, как отец, лиловый от загара, плотный, складно сбитый, с той же выразительной тулаевской посадкой головы и намечающимся уже профилем отцовского лица.

На его глазах я вытаскиваю бойкую серебряную рыбку с яркими карминовыми плавниками.

Мальчик смотрит на трепещущую рыбу равнодушным взглядом знатока и, стараясь придать голосу подчеркнуто солидный тон, определяет:

— Подвязок.

— Как ты сказал?

— Подвязок,— повторяет он.

— Во-первых, не «подвязок», а подъязок,— поправляю я.— А, вовторых, эта рыба называется красноперкой.

Мальчик недоверчиво косится на меня:

— Это по-книжному красноперка. У нас такой не бывает.

— А какая у вас бывает?

— Всякая... Синец... Обличинка, которая красноглазая... А то еще ширман.

Он наблюдает за тем, как я меняю на удочке червя, и прибавляет:

— Папанька тоже по-книжному-то всякую рыбу знает. У него и книжка про рыбную ловлю есть. С синими корочками которая. А которая без корочек — эта про охоту. С фронта их привез.

— Ну, ладно, договорились... Ты за бумагой, что ли, Минька?— спрашиваю я.

— Ага. Папанька послал.

Получив от меня газету, он старательно складывает ее книжечкой и уже потом произносит запоздалое «спасибо».

— А вы давно здесь рыбачите?— спрашиваю я.

— Здесь-то, на Подборной, недавно, только одну ночь — вчерась ночевали. А так-то уж другой аль третий месяц ездим.

— И много ездить приходится?

— Много. Завтра на Орехово озеро переезжать будем.

— Что так? Не ловится здесь, что ли?

— Ловиться-то, положим, ловится... Мы нынче без малого полцентнера наловили. Четырех линей пумали, шесть щурят да сколь еще ширманов, да карасей! А окуней да подвязков-то и не считаем. Папанька их назад в озеро кидает.

— Вот вы как!.. А почему же тогда уезжать хотите?

Мальчик щурится на заходящее солнце и неопределенно отвечает:

— Так... Мы больше как два—три дня нигде не живем.

— Это почему же?

— У нас работа такая. Мы скрозь по всем озерам ездим. У нас маленькая тележка есть. Мы в нее все покладем: одежу там, лодку, еще чего — и едем. А за рыбой к нам артель посылает. И харчи нам из дому привозят.

— Что же это за работа такая у вас?

— Испедиция называется.

— Экспедиция?

— Озерная испедиция,— с достоинством повторяет мальчик.

— Это что же она означает?

— А вы разве не знаете? Нас все так называют. Под вид разведки, вроде...

— Так...— говорю я, озадаченный неожиданным открытием.— Озерная разведка, значит?.. Что же вы разведываете?

— Что придется,— мальчуган пристально следит за моим поплавком, который давно уже танцует на воде.— У вас клюет, дяденька.

— Пускай... Это мелочь балует... Ты мне все-таки скажи насчет разведки-то.

— Гм...— ухмыляется молодой «разведчик».— Ну, проверяем, сколь рыбы в озере... Какая трава произрастает... Когда глубину меряем, с лодки. Я веслю, а папанька веревкой дно меряет. С научной целью, он говорит. А то еще истоки проверяем. Папанька все истоки на планы срисовывает. У нас и планы с собой есть.

— Понятно...— говорю я.— Так ты ступай, Минька. Папанька-то курить хочет. И скажи ему, что я ночевать приду. Обязательно скажи.

— Скажу,— охотно соглашается малый.— Троим-то повадцее будет.

Он нерешительно смотрит на ближний лес и прибавляет:

— А здесь, дяденька, волки есть?

— Откуда? Их тут никогда не было!

— Ну да, еще сколь... Вон там, в лесу, лошадиную кладбищу сделали. Волки-то и развелись. Ночесь к нам три приходили. Мы под лодкой спим, а они глазищами так и сверкают! Папанька проснулся да прямо из-под лодки как бузнет... из правого ствола картечью! Они и завы-ы-ыли!..

— Ты, небось, испугался?

— Нет... не очень...

Запустив руки в карманы штанов, Минька удаляется неторопливой походкой взрослого, вперевалочку.

3

В сумерки я отправляюсь ночевать к своим соседям.

Мы сидим мирно под моей ивой. Весело, разбрасывая в стороны уголья, разгорается костер. Над ним, в почерневшем от дыма котле, ворчит и пенится уха.

Летняя теплая ночь уже струится, ширится, сгущается над нами, над затонами глухих озер, песками, сжатыми полями, над опушками далеких лесов. Хочется, чтобы эта ночь тянулась подольше с ее мутными пересыпающимися звездами, шорохом леса, треском огня и всплесками рыбы на уснувшей в ночном тумане реке. О многом передумаешь в этот час. И так ясно представляешь себе, как за этим нашим тихим маленьким мирком, у костерка под ивой, распростерлась во все стороны наша огромная страна... Как, даже спящая, она грохочет в этот час своими нескончаемыми эшелонами с углем, с рудой, с лесом, с хлебом. Дымит вагранками, блистает заревами городов...

Наш маленький рыбак уже давно уснул, свернувшись на отцовской видавшей виды шинели под опрокинутой вверх дном лодчонкой. Мы курим, обсуждая план тулаевской «озерной экспедиции».

— Второе лето по озерам, как цыган, кочую,— признается Тулаев.— Привычка, что ли?

— Привычка неплохая.

— На любителя, конечно,— поправляет Александр Семенович.— Другого золотом обсыпь — не согласится! А тут как возвратился в сорок четвертом из госпиталя,— так давай и давай!

— Ранены были?

— Четыре раза! И сейчас в левой ноге осколок сидит. Как к дождю, так и подергивает. Лучше всякого барометра!

Александр Семенович добродушно смеется негромким своим басовитым смешком.

— Танкист ведь, учтите, механик! Можно было машинистом на вальцовую мельницу пойти. В МТС приглашали, на ремонт тракторов.

— Не соблазнились?

— Ну!..— и он машет рукой.— Это же болезнь!.. Рыбки да рыбки... А тут еще земляки-артельщики на горло наступили: «Что же, мол, старое дедовское ремесло-то забываешь? Не гоже Тулаеву-то!»

— Уговорили?

— Дело-то, понятно, не в уговоре. Тут другое... Приехал я с фронта, гляжу: озера наши сохнут, зарастают. Рыбешка кой-какая, да и та задыхается каждую зиму. Артелишка наша за войну-то совсем захирела, так, с хлеба на квас перебивается. Плана не выполняет. Мизерное дело!

— А чем это объяснить, Александр Семеныч?

Он молча сосет потухшую папиросу и голой рукой достает из костра уголек.

— Обычное дело, — отвечает он, прикурив папиросу. — Забываем, что при социализме живем.

— То есть, как это?.. — не понимаю я.

— А очень просто. Вот в прежнее время держал это озеро Маркел Карякин. Ставил он здесь три крылены. Попадется, бывало, ему за ночь три фунта карасей — и доволен. А через пять лет озеро-то обмелело и рыбы не стало. Он и совсем ловить бросил: лаптей больше изорвешь сюда ходить... Разве это промысел?

Я жду, когда рассказчик разовьет свою мысль и доберется до главного, до цели своей «экспедиции». Но он как будто не спешит с ответом.

— Забываем, что при социализме живем! — повторяет рыбак. — Озера глохнут, рыба переводится. А кто этому, естественному, я скажу, явлению природы научную причину установил? Маркел Карякин?.. Вот то-то и оно!

Где-то на реке идет буксирный катер. Он долго и отчаянно трещит и, кажется, не двигается с места. Мы оба молча прислушиваемся к нему.

— Под Иловой на перекате мучается,— сочувственно замечает мой собеседник: — ...Меня это дело здорово заедает! — с улыбкой признается он, продолжая прерванный разговор. — На эту тему я до утра могу вам лекцию развести!.. Минька! Куда опять мою планшетку подевал?

Походная артиллерийская планшетка оказывается под шинелью. Поспевшая уха отодвигается подальше от огня, чтобы не выкипела. Александр Семенович подбрасывает хворосту в костер и расстилает предо мной двухверстную карту речной поймы, начерченную чьей-то нетвердой рукой на бумажной кальке.

— Это я у лесничего перекопировал, — поясняет он. — Горизонталей, жалко, нехватает. Без них трудно определять направление стока. Я думаю недельки на две землеустроителя пригласить: надо бы кой-где с нивелиром пройти, для верности. Артель заплатит... Так вот, все наше рыбное хозяйство тут...

Мы начинаем при свете костра рассматривать карту. На ней отчетливо видать, как блуждало по этой пойме древнее русло реки, оставляя за собой кривые долгие озера-старицы. На карте это выглядит значительно яснее, чем на местности.

Когда-то здесь существовала сложная, соединенная живой струей озерная система, хитро предусмотренная самой природой. От этой карты трудно оторвать глаза...

— Ну, вот вам,— говорит мой «лектор»,— и вся причина, почему нет рыбы... Были истоки. Был приток кислорода. И рыба не задыхалась. А нынче? Малинником все заросло! Река каждую весну разливается и по всей пойме откладывает ил — пусть два или три сантиметра. Через сотню лет получаются метры! Как же не мелеть озерам? Смешно! Природа-то, выходит, свои обязанности исправляет, как хороший ротный старшина. А мы сидим, сложа руки, да все старинку вспоминаем: куда, мол, это рыба подевалась? А ведь у нас, учтите, артель, целый рыбацкий колхоз! С таким народом не только что истоки расчищать,— десяток новых озер выкопать можно! При социализме живем!.. Э, долго говорить об этом! Давайте-ка уху хлебать...

Он потягивается во весь свой огромный рост, расправляя затекшие члены, и начинает складывать карту.

— Вот так и езжу по озерам второй год, — заключает он. — Интересная вещь получается. А ведь до нее надо было самому доходить!

— Что же вы теперь намечаете делать, Александр Семеныч? — допытываюсь я.

— Насчет этого я уже своим артельщикам резолюцию составил! — смеется он. — Расчистить истоки. Во-время ставить весной запоры, чтобы рыба не уходила. Отлов рыбы производить по графику. Да мало ли еще что! В Глушицу и в Бычок пустить малька зеркального карпа... Долго рассказывать, уха остыла!

— И, думаете, убедите артель?

— Куда они денутся! Я им на фактах доказываю. Вы вот сегодня часа два здесь посидели — килограмма полтора поймали. На удочку, учтите! А завтра утром вы два раза по стольку наловите! Это я вам с гарантией говорю. А вы знаете, что это самое озеро четыре года назад мертвое было?

— Признаться, не слыхал...

— Вот то-то и оно! А нынче в нем у меня и лещ, и линь, и язь, и окунь — выросток есть. Пожалуйста, все виды рыб восстановил! Теперь как настоящий заповедник у меня здесь.

— Ну, знаете ли, Александр Семеныч, — растерянно бормочу я. — Выходит, что я браконьер, прямо в заповедник забрался?

— Капля в море! — смеется он. — Сетями, с бреднем — этого я действительно здесь не допустил бы. А удочкой, пожалуйста. Тут рыбы, как лапши в тарелке! Я-то сам, положим, ловлю ее здесь для удовольствия больше. Посмотрю на нее да другой раз всю обратно в озеро и выпущу. Приятно, знаете, на свои труды полюбоваться.

— Еще бы! — с восхищением говорю я.

— Мои артельщики теперь уже смеяться стали. «Эдак-то,— говорят, — Тулаев, ты нам столько рыбы наплодишь везде, что в конце пятилетки у нас бабы решетами план за нас выполнять станут...» Ну, ужинать, так ужинать... Минька! Окуней-то хорошо почистил, повар Гордей?

«Повар Гордей» трет кулаком заспанные глаза и плаксиво мычит:

— Вычистил... все руки об них исколол!..

— До свадьбы заживут, — примирительно говорит отец и начинает ловко резать черствую горбушку хлеба.

Минька, все еще пыхтя спросонок, достает из лыкового кошеля деревянные ложки.

Оба они, и отец и сын, как две капли воды, похожи один на другого, и, любуясь ими, я невольно говорю об этом отцу.

На строительстве Южсиба

Лев ЧЕРНОМОРЦЕВ

Молчит трущоба и таится.
Лишь иногда в кустах к реке
Промчит сохатый.
След копытцев
Олень обронит на песке.

Вот дикий голубь гукнул глухо...
Протяжный комариный писк,
Как тонкий волосок над ухом,
В недвижном воздухе повис.

Мы достаем теодолиты,
Бусоль из кожаной сумы.
Разведчики и следопыты,
Лицом к лицу — тайга и мы —
Стоим в чащобах Салаира.
Борьба не кончена! Взгляни:
Сверкают дула нивелиров,
В тайгу нацелены они!

...И рельсы далеко на Север,
Струясь, мерцая, потекут.
Пила блеснет — в траву деревья,
Шумя вершинами, падут.
С протяжным гулом бор сосновый,
В разлапых путаясь ветвях,
Падет, чтобы подняться снова
Здесь — на строительных лесах!

Тогда на Север, в глубь делянок,
Загромыхает путь стальной.
И люди нас добром вспомянут,
Взглянув на новый полустанок,
Пропахший свежею смолой.

— Тулаевский... — с притворным пренебрежением отмахивается отец. — Рыбак будет, в прадеда!

4

После ужина Минька опять забирается под лодку и мгновенно засыпает.

— Ложитесь к нему, на шинель, — предлагает мне Александр Семенович. — Вдвоем-то вам теплее будет. А я поближе к огоньку притулюсь, по-солдатски. У меня тут где-то еще шубенка в запасе должна быть.

Бросив на землю полушубок, он вытягивается на нем, курит и глядит на небо.

— Эх, а утро-то сегодня золотое будет, удить-то вам! — с удовольствием произносит он. — Звезды больно чистые да веселые стали... Да, ружье-то все же надо зарядить: как бы к свету опять вечорошние гости не пожаловали... Минька! Патронташ-то куда дел? Спишь, мошенник? Ну, спи уж, что с тебя спрашивать, рыбак рыбакович!

Патронташ обнаруживается у Миньки под головой. Зарядив двустволку, Александр Семенович кладет ее рядом с собой и долго лежит молча, закинув руки за голову, как будто дремлет.

— Бывало, так же вот на фронте,— рассказывает он уже размякшим и как-то потеплевшим голосом. — Стояли мы на Мозыре, в Белоруссии. Лежишь это где-нибудь в болотах... Ракеты светятся. Пушка где-то бухнет... И вдруг вспомнишь всю вот эту красоту... Лежал бы, чорт возьми, сейчас на Черной речке, под широким дубом! Уху варил... Потом, на сон грядущий, с полчасика почитал бы у костра сочинения Мамина-Сибиряка... Люблю! Я так и вожу с собой все лето его книгу, — учитель знакомый подарил. До чего же завлекательно о природе умел писать человек! Не оторвешься от книги-то!

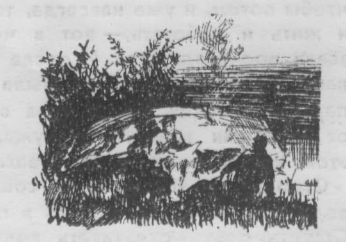
Голос рыбака становится все тише и невнятнее.

— Да... красивая жизнь... — бормочет он с глубоким вздохом, неизвестно к какой жизни относя эти слова: к той ли, что описывалась в книгах обожаемого им писателя, или к своей собственной, бродячей и действительно красивой жизни.

Он что-то шепчет еще и вдруг негромко всхрапывает.

Из-под лодки мне видно его смуглое спокойное и по-мужски красивое лицо. Рыбак уже крепко спит, он ровно, глубоко дышит.

У самой его головы дотлевает костер, подернутый пеплом. В костре осталась толстая недогоревшая головня. Всплеск теплого ветерка слегка раздувает ее. Головня шипит, вспыхивает боязливым синим огоньком и тут же снова гаснет, разливая крепкий, горьковатый запах пригорелой ивовой коры.

СВЕТ НАД СЕЛОМ

К. БУКОВСКИЙ

Зимой 1945 года, когда страна еще вела войну, в Рязанский обком партии пришла делегация от одиннадцати приокских колхозов Рыбновского района. Делегацию возглавлял Василий Степанович Говорушкин, большевик, председатель колхоза имени Ленина в селе Кузьминском.

Жители колхозного Кузьминского в довольно трудную военную пору решили построить собственную гидроэлектростанцию. Убедив в том же своих соседей — аксеновских, батуринских, федякинских и других крестьян, — они и послали в Рязанский обком партии свою делегацию.

Большевики Рязани не стали отговаривать колхозников от их слишком смелой, в сущности, мысли. Не стали пугать их трудностями, которые были довольно велики, и неизбежными в таком деле издержками. Наоборот, они решили, что почин хотя и смелый, но размах недостаточный. Станцию на Оке надо было строить покрупнее, силами по меньшей мере сорока колхозов.

С таким предложением и поехал Василий Степанович в Москву. Совет министров СССР рассмотрел просьбу рязанских колхозников, одобрил их инициативу, разрешил строительство Кузьминской межколхозной гидростанции, выделил для него кредиты и разместил заказы на оборудование по уральским и другим заводам.

В колхозах начались собрания. Раньше всего следовало найти хозяина всему делу. Если бы стройку затевало одно село, ее взяло бы в свои руки само правление колхоза. Но тут участвовали десятки сел, и это, конечно, требовало иного решения.

Хозяин стройки был определен всенародно. Им стало межколхозное правление, избранное из представителей передовых колхозов, зачинателей дела. Его по праву возглавил Василий Степанович Говорушкин.

Правление установило возможности каждого села и определило степень его участия в общественных работах. Все взрослое население, чередуясь по десяткам дворов и десяткам же дней, должно было вложить свой труд в строительство.

Организация дела была разумная. Но надо вспомнить время, когда оно начиналось и каким это время было тогда для деревни.

В колхозах нехватало людей, машин и горючего. И самая идея гидростанции возникла потому, что электрический мотор мог заменить ручной труд на молотьбе, пустить в ход мельницы и крупорушки, оросить колхозные огороды, освободив женщин от тяжелого труда — поливки.

Но для того, чтобы такие моторы могли быть запущены, село должно было на время еще более урезать себя в работниках на поле и в хозяйстве и дать людей на стройку. В этом заключалось основное противоречие, которое предстояло преодолеть сельским партийцам. Свороти сейчас гору ради того, чтобы потом, и уже навсегда, тебе стало легче и жить и работать,— вот в чем был смысл всего происходящего. И после того, как началась стройка и на ней была создана своя парторганизация, успех дела все же зависел от того, как коммунисты умели убеждать в этом народ в самих колхозах.

Стройка началась, когда сошел с реки паводок и села захлестнулись в полевой страде. Ставить ряжи, откачивать воду и рыть котлован для станции принялись девушки. Из Аксенова пришла Мария Чувилина с бригадой таких же, как она, семнадцатилетних. Новоселовские женщины поставили своих дочерей под начало Веры Локтевой. Из Федякина явилась во главе девичьей бригады Осейкина Мария. Само Кузьминское выставило с группой девчат Московкину Нину.

Знакомиться со строителями вышел инженер, присланный из Москвы. Он поглядел на девушек, усмехнулся как-то невесело, скорее сокрушенно, и пригласил бригадиров подойти поближе. Раскатав трубку из большого листа бумаги, он тут же, на берегу, показал им проект будущей гидростанции. Это было высокое, утюгоподобное здание, сплошь залитое бетоном и окруженное со всех сторон водой. Девушки тихонько ахнули, а Вера Локтева спросила с испугом:

— Вот такую нам надо построить?

Инженер опять усмехнулся. Должно быть, он и сам в тот день не слишком верил в такую возможность.

Девушки работали бессменно. Но, кроме них, приходили посменно на стройку сотни и тысячи человек, никогда не видавших в своей жизни ничего подобного. Самый труд для этих людей был не в диковинку, но здесь был труд иной, непохожий на крестьянский. Стоять по колено в воде и в грязи, вычерпывая дно реки, забивать в него сваи и класть бетон — это совсем не одно и то же, что ходить за плугом. И надо понять, надо ощутить всю душевную силу молодых девушек, которые сумели увлечь в таком тяжелом и незнакомом труде людей, пришедших на стройку всего на несколько дней. Надо признать также энергию и способности инженеров: Петрова Петра Васильевича, начальника строительства станции, и Лозовского Ивана Ивановича, ее нынешнего главного инженера.

Ока — река могучая. Характер у нее крутой. И хотя она уже была скована в этом месте плотиной шлюза, все же неприятностей строителям она принесла немало. За одно только первое лето было пять паводков. Река затопляла котлован, портила ряжи и заставляла людей по нескольку раз переделывать одну и ту же работу.

Десять тысяч кубометров земляных работ и четыре с половиной тысячи железобетонных! По этому можно судить о трудовом подвиге рыбновских колхозников, отдавших стройке двести двадцать тысяч трудодней.

Бетон и арматуру укладывали те же девушки. Как это надо делать, им показывали мастер-бетонщик и трое рабочих-арматурщиков, присланных из города. Опалубку под бетон, и не простую, а спиральную, с точностью до одного миллиметра, делал сельский плотник Петр Иванович Суров.

Этот старик привел однажды на стройку сорок сельских плотников, самому молодому из них было 54 года. Он собрал их со всего Кузьминского, которое издавна занималось отхожим плотницким трудом. И вот теперь это ремесло пригодилось крестьянам для самих себя, да и в каком еще деле!

Пока выводились стены здания, уральцы изготовили и прислали в Кузьминское две турбины. Прибыли монтажники из Москвы и привезли с собой остальное оборудование. Сдерживая нетерпение, колхозники стали ждать пуска станции.

И вот однажды главный инженер позвал к себе девушек-бригадиров и сказал, что вечером будет проба первой турбины.

Наступил вечер. Ока закуталась в плотную шаль тумана. Ни зги не видно было на берегу, где скрывалось за кручей большое село. У старшего турбиниста Ивана Ивановича Архарова что-то не ладилось с запуском, и на девушек, да и на всех стоящих возле машины людей вдруг напал страх. «А что, если не выйдет? Что, если не загорится свет, и село, которое так долго ждало его, попрежнему останется в темноте?»

Но лампочка под потолком затеплилась и вдруг брызнула ярким, ослепительным светом. Ток был дан.

Что же получило село от собственной гидростанции?

Электростанция позволила поставить под горой насосы и качать воду в село: к избам, на молочную ферму, колхозный свинарник, на парники по весне и в другие, нуждающиеся в воде места. Кузьминское получило водопровод. Затратив пятнадцать тысяч трудодней на свою долю строительства, оно экономит теперь в течение года двадцать тысяч человекодней, которые уходили раньше на одну лишь доставку воды. Так окупается труд, вложенный крестьянами в строительство электростанции.

Село построило мельницу, и люди освободились от необходимости ездить для помола муки на станцию Рыбное. Пустили просорушку. Электрифицировали молотьбу, сортировку зерна и очистку семян и многие другие трудоемкие работы. Даже стрижка овец производится теперь с помощью электричества.

Недавно Василий Степанович Говорушкин ездил в новую командировку под Москву и наблюдал работу электротрактора. Василий Степанович рассчитывает с будущей весны пустить по полям своего и соседних колхозов десять таких тракторов. Решение советского правительства об этом уже имеется, и силовую линию для электропахоты Василий Степанович подготовил с осени.

Мечтает он и об электродойке на колхозной ферме. И не только мечтает, но уже подыскивает в городе все, что для этого нужно. С весны приступит колхоз и к искусственному дождеванию огородных гряд.

Кинотеатр, сельский радиоузел с репродуктором в каждой избе — это тоже дала гидростанция. Но раньше всего она зажгла свет на улицах и в избах, тот свет, который преобразует самую жизнь и культуру села, приближая последнюю к городской.

Сорок колхозов уже пользуются энергией и светом межколхозной гидроэлектростанции.

На очереди последние шесть колхозов-дольщиков. Но тысячи киловатт, которыми располагает станция, хватит на то, чтобы дать энергию еще многим селам. На карте, показывающей ближайшее будущее Рыбновского района, уже горят огоньки над названиями этих сел. Всего их можно насчитать на карте больше восьмидесяти.

Хорошее дело сделали рыбновские колхозники, построив станцию, которая одна дает электрической энергии больше, чем было ее до революции во всей Рязанской губернии. Но еще большее дело сделали они, разбудив своим почином рязанские села.

Всего за два года в области было пущено семьдесят две сельских электрических станции. И сейчас идет стройка двадцати колхозных гидростанций — на Проне и Пре, на Дону и Воронеже и на других, более мелких рязанских речках. А сасовские колхозники решили построить станцию вдвое большую, чем Кузьминская. Эта станция называется Рассыпухинской, и строится она близ села Устье при слиянии Мокшы и Цны.

Свет загорается над нашими селами. Это свет коммунизма!

Собрание рязанских колхозников в селе Кузьминском по случаю торжественного пуска гидроэлектростанции.

Пульт управления Кузьминской ГЭС.

Начальник строительства ГЭС П. В. Петров и бригадир плотников П. И. Суров.

Передовые строители ГЭС (слева направо): Н. П. Московкина, В. И. Локтева, С. П. Малкин, директор ГЭС и председатель колхоза имени Ленина В. С. Говорушкин, И. И. Архаров, главный инженер И. И. Лозовский и Д. Е. Рожков.

В селе начала работать электромельница, получающая ток от гидростанции.

В Кузьминском появился водопровод. Колхозницы В. Бурлеева и М. Лапутина берут воду из колонки.

Фото М. Савина

В ДОЛИНЕ ТАЛАССА

Фото Я. Рюмкина

Колхозы Таласской долины (Казахстан) в нынешнем году добились больших успехов в развитии социалистического животноводства.

Имена знатных колхозников Картабая Атшабарова, Байгельды Кейкиева, Байкошкара Мусиралиева стали известны всей стране. Им, старейшинам животноводов, и их двадцати девяти товарищам по труду правительство присвоило звание Героя Социалистического Труда.

В районном центре, у берегов озера Ак-Куль, колхозы Таласской долины устроили народный праздник в честь своих Героев. Благодаря за высокую награду, колхозники дали слово товарищу Сталину досрочно выполнить пятилетний план развития животноводства.

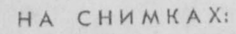
1

3

4

НА СНИМКАХ:

1

Сотни колхозников Таласской долины съехались на народный праздник в аул Ак-Куль. На верблюдах они привезли с собой юрты, и рядом с Ак-Кулем вырос войлочный городок. Здесь, под открытым небом, и были вручены 32 Героям Социалистического Труда золотые медали «Серп и молот» и ордена Ленина (снимок вверху).

2

Старейшина животноводов Таласса заслуженный мастер республики, Герой Социалистического Труда Картабай Атшабаров (колхоз имени Чкалова).

3

Герои Социалистического Труда, председатель колхоза «Кенес-Тюбе» Байгельда Кейкиев, чабан Нуртай Бейсалиев и заведующий фермой Куртабай Джанбосынов.

4

Знатный коневод колхоза «Восток», Герой Социалистического Труда Сурапбай Джамбулов со своей женой в юрте.

5

После жаркого дня косяки колхозных лошадей устремляются к свежим водам Таласса.

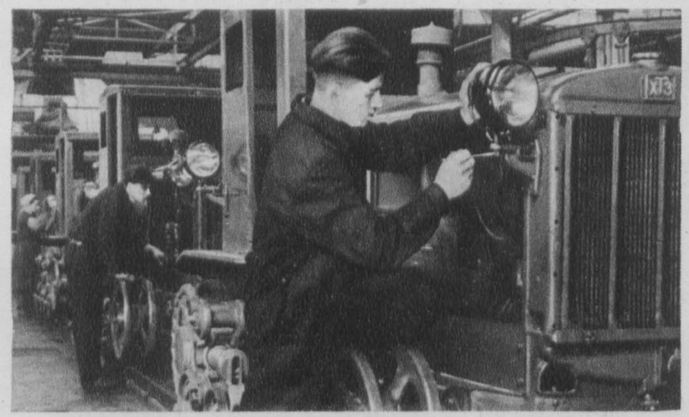

2
5

ХАРЬКОВСКИЙ ТРАКТОРНЫЙ

Лучшие люди завода, награжденные орденом Ленина (слева направо): начальник цеха И. К. Протопопов, формовщик И. Е. Черенков и штукатур А. А. Королев.

Главный инженер завода Я. И. Невяжский и мастер З. М. Требелев, награжденные орденом Трудового Красного Знамени.

Сборка тракторов. У главного конвейера сборщик К. М. Коваленко.

Недавно в жизни коллектива Харьковского ордена Ленина тракторного завода имени Орджоникидзе произошло знаменательное событие. За успешное выполнение заданий правительства по восстановлению и успехи, достигнутые по выпуску тракторов, завод награжден орденом Трудового Красного Знамени. Высокими правительственными наградами отмечены лучшие люди завода.

В дни немецкой оккупации ХТЗ был разрушен до основания. Ныне на месте руин возникли новые корпуса, построены и введены в действие новые цехи, более совершенные и лучше оснащенные, чем до войны.

Еще шли работы по восстановлению завода, а с конвейера начали сходить тракторы для наших колхозных полей. План девяти месяцев этого года завод перевыполнил по всем показателям. Коллектив ХТЗ, отвечая на призыв передовых московских предприятий, обязался сэкономить в нынешнем году 15 миллионов рублей сверх плана.

Так выглядели заводские цехи после освобождения Харькова от фашистских захватчиков.

Фото А. Узляна

← Заново отстроенный механосборочный корпус.

В ВАШИНГТОНЕ

Н. ВАСИЛЬЕВ

В глазах американцев Вашингтон, несмотря на свое столичное положение, издавна слыл чем-то вроде захолустного города, находящегося в стороне от больших дорог экономического и культурного развития США. В американской литературе и публицистике Вашингтон долгое время называли провинциальным захолустьем, в котором кучка прожженных политиканов на виду у почтеннейшей публики непрерывно дерется между собою за тепленькие местечки в государственном аппарате во имя интересов своих принципалов с Уолл-стрита, чикагской зерновой биржи или техасских нефтепромыслов.

Однако в последние годы эта репутация Вашингтона в результате стараний определенных кругов стала претерпевать любопытную эволюцию. Во время войны и в особенности после ее окончания на книжном рынке США в изобилии появились книги, в которых американская столица высоко подымается на щит как «город неувядаемой славы и величия». «Вот каков Вашингтон!» — с энтузиазмом восклицает в заглавии своей книги Киплингер. «Вашингтон — бесподобный город!» — вторит ему на столь же высокой ноте заголовок книги Веры Блум. Легко представить, сколько дифирамбов содержится в книгах с такими восторженно-рекламными названиями! Средний по размерам населения город — в Вашингтоне всего около 600 тысяч жителей — на глазах у американцев, привыкших говорить о нем, в лучшем случае, с добродушным снисхождением, ловко превращается в руках литературных жонглеров чуть ли не в центр мироздания. Эта эволюция происходит все более быстрыми темпами по мере того, как все чаще из Вашингтона исходят откровения вроде «доктрины Трумэна» и «плана Маршалла», все громче раздаются грозные начальнические окрики в отношении «маршаллизованных» стран и усиливается истерическая антисоветская кампания поджигателей войны.

Впечатления человека, вновь приехавшего в Вашингтон, весьма разнообразны. Едва успев выйти из единственного в городе вокзала «Юнион Стэйшн», вы оказываетесь перед массивным зданием Капитолия, с огромным куполом, увенчанным статуей свободы. В этом здании помещается конгресс Соединенных Штатов.

Несколько минут езды от Капитолия по аллеям парка мимо импозантных зданий Картинной галлереи, Национального музея и ряда министерств, мимо монумента Джорджу Вашингтону — огромного каменного обелиска — и вы попадаете к Белому дому, резиденции президента. В этом приземистом здании, напоминающем богатую помещичью усадьбу, когда-то жил и работал американский президент Авраам Линкольн, руководивший борьбой за освобождение негров в войне между северными и южными штатами. Еще в недавнее время в Белом доме в течение тринадцати лет бессменно обитал Франклин Делано Рузвельт. Затем в нем поселился Гарри Трумэн.

Рядом с Белым домом стоит старинное четырехэтажное здание, занимающее почти целый квартал. Его архитектор явно злоупотребил своим пристрастием к колоннам, безвкусно приданным к зданию со всех сторон. До последнего времени здесь был расположен государственный департамент, перебравшийся сейчас в бывшее помещение военного департамента. По обилию генеральских и других военных званий своих чиновников американское дипломатическое ведомство, возглавляемое ныне генералом Маршаллом, пожалуй, лишь немногим отстает от ведомства, уступившего ему свое место.

Правительственные учреждения занимают сравнительно небольшую часть города — между конгрессом и 17-й улицей. Некоторые из них расположены в других районах, а военное министерство — даже в соседнем штате: оно находится в городе Арлингтоне (штат Виргиния), помещаясь в огромном здании Пентагоне. Время от времени на пресс-конференциях в Пентагоне генералами высокого ранга муссируются сообщения о новых «секретных», «ужасных», «непреодолимых» видах вооружения, производимого для американской армии: вместе с застращиванием атомной бомбой эти сообщения рассчитаны на то, чтобы создавать впечатление о «мощи» США и держать другие страны «в страхе божьем».

К району правительственных учреждений примыкают кварталы банковских, торговых и зрелищных предприятий, ресторанов и столовых. Вокруг этого района широким полукругом, основанием которого является река Потомак, протянулся густонаселенный «черный пояс» — место проживания негров. А всю остальную территорию американской столицы занимают жилые кварталы белого населения, иногда отделенные друг от друга парками и скверами.

Основной стиль домов в этих кварталах — маленькие коттеджи или «блоки» — длинные двухэтажные дома, разделенные на квартиры по вертикали так, что каждая из них размещается на двух этажах. Планировка Вашингтона выдержана в общем в излюбленном стиле американских городов: подавляющее большинство улиц проведено по прямым линиям, пересекающимся под прямыми углами. И только широкие проспекты-авеню, бороздящие город во всевозможных направлениях, врываются резким диссонансом в эту скучную геометрическую симметрию.

Вашингтон отличается от всех остальных городов — больших и малых — прежде всего своим искусственным происхождением. Он вырос не на основе развития местной промышленности, торговли или судоходства, а был построен со специальной задачей — служить столицей Соединенных Штатов. Это и определяет его физиономию как города: в нем почти нет промышленных предприятий, а торговые и банковско-финансовые учреждения обслуживают почти исключительно местные нужды. Зато Вашингтон кишмя-кишит всевозможными правительственными учреждениями. В них работают сотни тысяч чиновников, составляющих, наряду со служащими коммунальных, торговых и зрелищных предприятий и домашней прислугой, основную массу населения столицы. Большинство работников обслуживающих профессий — негры, которые составляют до трети всего населения столицы.

Такой состав населения Вашингтона не случаен. Одна из главных целей «отцов-основателей» (как называют в Америке первых руководителей новой республики после войны с Англией за независимость), так же как и их продолжателей, заключалась в том, чтобы расположить столицу вне крупных центров, где много бедного, недовольного своим положением люда, в особенности промышленного пролетариата. Расчет был на то, что конгрессмены и сенаторы, разнокалиберные политиканы и дельцы смогут вершить здесь свои дела без постоянной оглядки на рабочие окраины, а широкие круги чиновного люда, в которых преобладают мелкобуржуазные элементы, — быть хорошо вышколены и выдрессированы в роли послушных исполнителей хозяйской воли.

Своей кульминационной точки процесс дрессировки достиг в момент, когда с легкой руки президента Трумэна началась «проверка лояльности» государственных чиновников: те из них, которые остались на своих постах после чистки, должны вести себя тише воды и ниже травы, чтобы не потерять работы. Что касается негритянского населения столицы, то здесь, как и повсюду в стране американской «демократии», с неграми не принято считаться как с людьми.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы и белое, в том числе «стопроцентное», «коренное», население Вашингтона было в большом фаворе у американских законодателей. Действительная или лицемерная боязнь конгресса подвергнуться какому бы то ни было «давлению» со стороны местного населения привела к тому, что жители Вашингтона лишены даже тех формально-политических прав, которые имеет любой американский гражданин. Жители Вашингтона или, точнее, занимаемого им федерального округа Колумбия не имеют права участвовать в избрании президента и представителей в конгресс. Вашингтон не обладает даже местным самоуправлением, как любой другой американский город. Округом Колумбия управляет особый комиссар, назначенный президентом и конгрессом. Характерно, что на протяжении последних лет конгресс не находил для столицы лучшего комиссара, чем сенатор Бильбо — гнусный расист, взяточник и самый махровый из всех реакционеров, каких много в сенате (Бильбо умер в прошлом году).

Неудивительно, что в столице были насаждены нравы, милые сердцу этого сенатора из Миссисипи. Расовая дискриминация в Вашингтоне — совершенно обычное явление. Негры, по существу, лишены права пользоваться услугами ресторанов и кино в центральной части города. В столице царит также фактическая сегрегация (отделение) для негров, изолированных в пределах «черного пояса». В некоторых поселках на окраинах Вашингтона дискриминация проводится и для других «неарийцев». Так, в 1947 году состоялся скандальный процесс о выселении из поселка Баннокбэрн-Хайтс в округе Колумбия некоего Арона Ташина по требованию его соседей на том «основании», что Ташин «принадлежит к семитской расе». Случай, имевший место в Баннокбэрн-Хайтсе, не является здесь исключением.

Несмотря на все свои старания, конгрессу не удается избавиться от выражения народного недовольства. Делегации всевозможных организаций приезжают в Вашингтон из различных городов и штатов, чтобы предъявить определенные требования или выразить протест против какого-либо мероприятия. Расхаживающие вдоль решетки Белого дома или у подъезда конгресса пикетчики с плакатами — повседневная часть столичного быта.

Факты этого рода показывают всю тщету попыток агентов монополистического капитала, вырядившихся в тогу законодателей, отгородиться от народа. Вместе с тем они демонстрируют в миниатюре внушительные размеры накапливающихся в стране негодования и гнева широких масс населения, у которого отнимают элементарные политические и профсоюзные права.

Но Вашингтон — частый свидетель и других форм протеста, рождающихся тут же, в столице. Как ни изобретательны были «отцы-основатели» в выборе столицы, как ни стремятся современные правители быть подальше от «язвы пролетариата», все же без него и в Вашингтоне не обойтись. Это не промышленный пролетариат, но у него, тем не менее, имеется достаточно причин для недовольства, для борьбы за свои интересы. Инфляция, породившая растущую изо дня в день дороговизну, задела Вашингтон больше, чем другие города. Стоимость жизни всегда здесь была очень высока, чего, однако, никак нельзя сказать о заработной плате. А сейчас диспропорция между стоимостью жизни и уровнем заработной платы увеличилась еще больше. И вот стачки возникают одна за другою: бастуют водители автобусов и трамваев, служащие отелей и ресторанов, торговой сети.

Столичная полиция, как и всюду в США, приходит на помощь власть имущим, изыскивая всякие поводы для того, чтобы обвинить бастующих в нарушении закона и соответственно расправиться с ними. По части самоуправства вашингтонские полисмены вряд ли уступают первенство полисменам других американских городов. Избиение и иные виды издевательства, учиняемые полицией над вашингтонцами, — тоже частица быта. Воспи-

Офицеры запаса

Александр МЕЖИРОВ

Два товарища ехали в лагерь военный
И вели меж собой разговор откровенный,

А полуторку так на ухабах бросало,
Что подложечкой, как в самолете, сосало.

И пошатывало помаленьку с отвычки,
И мигали и гасли дрожащие спички,

И скрипел под ногами рассохшийся кузов
С двухвершковыми щелями от перегрузов.

На борту дребезжащем пристроились двое
И блаженно вдыхали тепло луговое.

Чалый конь при дороге неспутанный пасся.
В лагерь ехали два офицера запаса.

И когда на юру замелькала палатка,
Позабыли друзья, что дорога негладка,

На все пуговицы пиджаки застегнули,
По-старшински в упор друг на друга взглянули,

Подмигнули: мол, выправочка подкачала,
По гауптвахте заправочка, мол, заскучала...

И остались они недовольны друг другом...
Шла полуторка душным нескошенным лугом,

И ныряла, играла с тропой, словно в прятки.
И навстречу толпой выбегали палатки,

И вспорхнули с земли, как гусиная стая,
И поплыли в пыли, на лету вырастая.

Два товарища губы горячие сжали,
Два товарища в юность с разгона въезжали.

Тормозила полуторка у поворота,
Часовой распахнул прямо в юность ворота.

Паспорта прочитал. Фотографии сверил.
Двух товарищей взглядом взыскательным смерил.

Лучше юности нет ничего и не будет,
Юность самые лучшие помыслы будит.

И согреты бесхитростной воинской лаской,
Два товарища в юность въезжают, как в сказку.

На передней линейке песок золоченый,
Там дневальный, от ливней «грибом» защищенный,

Дышит воздухом луга душистым и свежим,
По-ефрейторски честь отдает он приезжим,

Чести воинской как не ронял,— не роняет,—
Он родную страну от войны охраняет.

Помнит он, что война бита нами на фронте,
Что она где-то за океаном в ремонте...

Два товарища медленно шли меж палаток,
Меж натянутых туго брезентов крылатых,

И молчали они. И равненье держали.
Два товарища юность свою уважали.

танные сенатором Бильбо «блюстители порядка» совершенно безнаказанно предаются своим садистским наклонностям.

Выбор местоположения столицы, помимо вышеприведенных соображений, был также результатом политического компромисса между штатами: Вашингтон был основан в тогдашнем географическом центре Соединенных Штатов.

В Вашингтоне жаркий и влажный климат. «Имеются только три места жарче, чем Филиппинские острова,— заявил однажды губернатор этих островов Вильям Тафт. — Это Цинциннати, Вашингтон и преисподняя». Недурная характеристика для климата Вашингтона, данная человеком, хорошо знакомым с тремя из названных мест и рассчитывавшим, повидимому, познакомиться с четвертым! В течение пяти—шести месяцев в году вашингтонцы работают в условиях нестерпимой жары и духоты, не имея достаточного отдыха и ночью. Чиновники, находящиеся на верхних ступенях бюрократической лестницы, пользуются в своих кабинетах воздухоохладительными установками. Но армия мелких чиновников, служащих и рабочих, разумеется, этим не располагает. Нередки случаи тепловых ударов во время работы.

Особенности климата Вашингтона служат причиной неоднократно возобновляющихся предложений о переносе столицы в какой-нибудь иной пункт Соединенных Штатов. В последнее время появился новый повод для таких разговоров, порожденный горячечной пропагандой о якобы угрожающей США «опасности нападения» со стороны неведомых врагов и уязвимости столицы в случае атаки атомными бомбами с воздуха. В печати появились предложения о переносе столицы в район Скалистых гор, в Денвер и другие местности штатов Среднего Запада.

Вашингтон является столицей Соединенных Штатов лишь в очень узком смысле слова. Это административный и законодательный центр страны, но вовсе не его экономический центр. Еще меньше он имеет основания претендовать на роль культурного или духовного центра. В этом отношении Вашингтон — нечто весьма убогое. Несколько научных музеев и художественных галлерей, созданных главным образом на частные средства, не могут прикрыть его духовной и культурной нищеты. Обладавший известной широтой взглядов, покойный президент Рузвельт не скрывал своего презрения к ограниченности и пустоте жизни в американской столице. Однажды на митинге в местечке Бойз, в штате Айдахо, он заявил, что «Вашингтон является одним из наиболее провинциальных городов на всем земном шаре».

В этом городе нет ни одного оперного или драматического театра, если не считать любительской труппы при католическом университете. Приезжие оперные труппы дают здесь изредка представления только в концертном исполнении, пользуясь для этого «Конститюшн холл», конференц-залом реакционного общества «Дочерей американской революции». Гастролирующие драматические труппы из других городов ставят спектакли в помещении театра «Нэшнл», не имеющего собственной труппы.

Впрочем, не будем несправедливы и отметим, что в Вашингтоне все же имеется постоянный «театр» с постоянной «труппой». Это «Бурлеск», единственная программа которого заключается в показе публичного раздевания «актрис» под дикое улюлюканье и одобрительный свист зрителей. Вот и весь «вклад» американской столицы в театральную культуру страны.

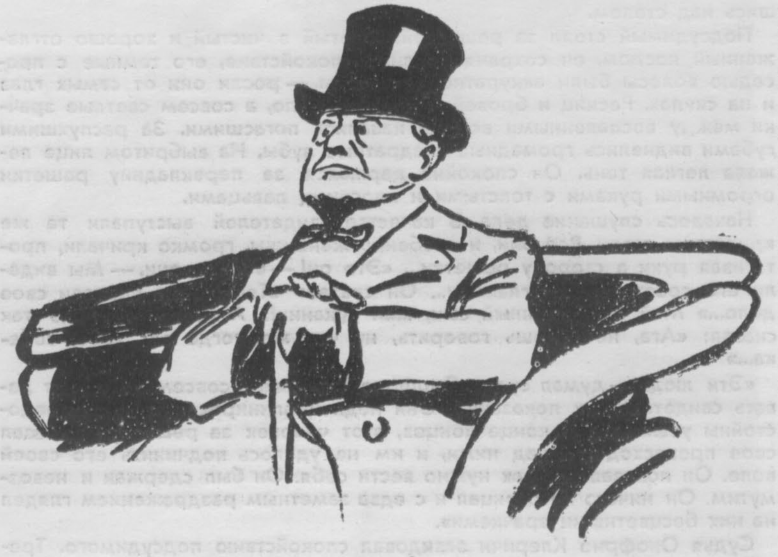
Единственно развитой отраслью «культуры» в Вашингтоне является бурная светская жизнь, побивающая все рекорды. Завсегдатаи светских салонов — сенаторы, конгрессмены, высшая бюрократия, генералитет, приезжие богачи — вместе с женами ежедневно кочуют с одного приема на другой, едва успевая менять наряды в соответствии с требованиями этикета. Один досужий любитель статистики подсчитал, что на каждую книжную лавку в городе приходится семнадцать «салонов красоты», обслуживающих дам «из общества». Из этого видно, что книга отступает на задний план перед кисточкой маникюрщицы.

Но этим, собственно, и исчерпываются проявления культурной жизни столицы. Вы не найдете здесь научной общественности — к ним я, конечно, не отношу ученых-специалистов, работающих за семью печатями в лабораториях военного ведомства.

В Вашингтоне нет и литературных кругов, если под этим не подразумевать многочисленную свору желтых журналистов, заполняющих ежедневно столбцы газет бульварной стряпней. Ни один видный американский художник не проживает здесь. Уважающие себя деятели культуры не могут заниматься творческим трудом в обстановке «чисток» и проводимой «комиссией по расследованию антиамериканской деятельности» травли, которые сделали политическую атмосферу Вашингтона гораздо более удушливой, чем атмосфера природная.

«Ни один вашингтонец не сделал мало-мальски значительного вклада в американское искусство или литературу»,— говорится в одном местном справочнике. Нельзя более убийственным образом охарактеризовать уровень духовной и культурной жизни американской столицы.

Сон судьи

Рассказ

Итало КАЛЬВИНО

Рисунки Л. Бродаты

В то утро судья Онофрио Клеричи заметил в облике прохожих нечто необычное. Изо дня в день он пересекал город — от дверей своего дома до здания суда — в убогой, тряской коляске, видел толпившихся на площадях оборванных людей с усталыми, опущенными плечами, закопченные лица продавщиц жареных каштанов, вокруг которых толпился уличный сброд, слышал выкрики слепых: «Лотерея!.. Миллионы!..», — постукивание тетрадей в квадратных ранцах школьников, видел торчащую из кошелок ботву савойской капусты и сухого сельдерея...

Сегодня ему показалось, что толпа стала иной. И плечи у людей не так опущены, и пальто и шали на них новые. Прохожие окидывают его подозрительным взглядом, в глазах у всех появился холодный блеск. Видно, эти люди что-то замышляют! И судье Онофрио Клеричи стало не по себе.

Вот уже несколько недель на стенах его дома кто-то оставляет угрожающие надписи, рисует виселицу и повешенного — в высокой шляпе, с широким верхом и большим помпоном, какую носят судьи. Онофрио Клеричи стал замечать, что люди ненавидят его и громко высказывают свое недовольство даже в зале суда. Женщины, давая показания, бросают теперь больше гневных упреков ему, чем подсудимым за решеткой. Но он, судья, уверен в своей правоте и попрежнему ненавидит этих людей, этот сброд, не умеющий держаться почтительно, этот сброд, обремененный детьми, долгами и опасными идеями, именующий себя итальянским народом.

С некоторого времени судья Онофрио Клеричи пришел к выводу, что итальянский народ — это вечно беременные женщины, таскающие на руках покрытых струпьями детей; это юноши и девушки с бледными, впалыми щеками, не имеющие работы и торгующие табаком на привокзальных площадях; это, наконец, страдающие астмой и грыжей старики с настолько изуродованными тяжелым трудом руками, что они не в состоянии подписать судебного протокола. Это — сборище недовольных, вечно брюзжащих людей...

Но, к счастью, есть на свете и другие люди — люди порядочные, с гладкой и нежной кожей; люди с орденами и медалями, с лорнетами и моноклями, слуховыми аппаратами и искусственной челюстью; люди, просидевшие века в мягких креслах старинных особняков; люди, которые издают законы, и умеют их применять, и заставляют других уважать эти законы; люди, связанные между собой тайной мыслью, что итальянский народ — это презренные людишки и что в Италии жилось бы куда лучше, если бы в ней не осталось итальянцев или, по крайней мере, если бы они пореже напоминали о себе.

Итало Кальвино — молодой прогрессивный писатель, активный деятель Народного фронта. За роман «Тропа паучьих гнезд» — о движении сопротивления в оккупированной немцами Италии — ему присуждена премия 1947 года. Рассказ «Сон судьи» напечатан в журнале «Ринашита» («Возрождение» № 2 за 1948 год), выходящем под редакцией П. Тольятти.

Судья Онофрио Клеричи прибыл в суд. Это — старое, наполовину разрушенное бомбардировками здание. Его стены поддерживаются деревянными балками, штукатурка сильно облупилась, а фризы фронтона в стиле барокко разбиты. Сегодня, как и всегда во время судебного разбирательства, у закрытых дверей, охраняемых жандармами, толпились люди. Обычно в зале суда отводились специальные места только для родственников и друзей подсудимого, а также для лиц, пользующихся доверием. Однако всякий раз кому-нибудь из толпы все же удавалось пробраться сюда, примоститься на задней скамейке и прерывать заседание шиканьем и выкриками. Те же, кто оставался на улице, поднимали невообразимый шум, угрожая кулаками, размахивая своими сумками и портфелями. Гул голосов проникал в зал, заставляя нервничать судью Онофрио Клеричи, возбуждая в нем ненависть к этим дерзким итальянцам, вмешивающимся в дела, в которых они ничего не смыслят.

Но сегодня толпа была молчалива и сдержанна. Не слышно было враждебного шопота даже тогда, когда судья Онофрио Клеричи вылез из своей полуразвалившейся коляски и направился через боковую дверь в зал заседаний.

Охватившее судью беспокойство несколько улеглось в храме правосудия. Вокруг сидели друзья: судьи, присяжные заседатели, адвокаты — люди добропорядочные, с поджатыми губами и с пульсирующей, как у лягушек, шеей. Такие же спокойные и мирные люди занимали высокие государственные посты, и у всех у них были такие же низко нависшие над глазами веки и лягушачьи шеи.

В ожидании начала заседания, пока члены суда облачались в свои черные одеяния, один из адвокатов, с лицом, покрытым порами, извлек из кармана газету и, громко смеясь, стал показывать своим коллегам карикатуры: художник изобразил итальянцев грубыми и неуклюжими, смешными и уродливыми, в нелепых шапках и с толстыми дубинками.

Только один человек не смеялся, глядя на эти рисунки. Это был новый секретарь суда, кроткий старичок, с головой, похожей на конус. Члены суда один за другим повернули свои покрасневшие от смеха лица к его печальному морщинистому лицу, и смех словно застрял в их лягушачьих шеях. «Этому типу не следует доверять», — подумал Онофрио Клеричи.

Суд приступил к разбору очередного дела. В последнее время на всех заседаниях председательствовал Онофрио Клеричи. Он судил не только голодных людей, совершивших кражи со взломом, но также и тех, кто арестовывал и расстреливал итальянцев во время минувшей войны. И судья Онофрио Клеричи всякий раз, ознакомившись с делом этих убийц, приходил к убеждению, что перед ним достойные уважения люди, которые еще могут оказаться полезными, хотя бы для того, чтоб держать в узде вечно плачущих и вечно голодных оборванцев.

Законы были в руках судьи Онофрио Клеричи. Ведь все те же люди с лягушачьими шеями не только издавали, но и толковали их в свою пользу даже тогда, когда казалось, что законы на стороне этих проклятых итальянцев. Так судья разрешал все дела, и толпа после вынесения очередного приговора долго не расходилась на площади, а женщины в трауре громко оплакивали погибших мужей.

Судья Онофрио Клеричи занял свое место и оглядел присутствующих. Кругом сидели люди, на которых он мог положиться: мужчины в накрахмаленных воротничках, врезавшихся в их жирные затылки, женщины с массивными желтыми шеями, под шляпами с вуалью. Взгляд его скользнул в глубину зала. Скамьи последнего ряда были заняты каким-то, как он говорил, сбродом, пробравшимся в зал невзирая на запрет. Это были бледные девушки с косичками; калеки, опиравшиеся подбородком о костыль; сморщенные, изможденные мужчины и женщины с синими кругами под глазами; старики в очках, державшихся на бечевке; закутанные в шали старухи. Последние скамьи стояли несколько поодаль от остальных. Люди на них сидели неподвижно, со скрещенными на груди руками и смотрели прямо в лицо судьи.

Знакомое чувство тревоги снова подступило к самому сердцу Онофрио Клеричи. Два жандарма стояли, как обычно, по обе стороны стола, за которым восседали судьи. Но сегодня лица жандармов были

бледны и печальны. А секретарь все что-то записывал, низко склонившись над столом.

Подсудимый стоял за решеткой. Одетый в чистый и хорошо отглаженный костюм, он сохранял полное спокойствие, его темные с проседью волосы были аккуратно расчесаны, — росли они от самых глаз и на скулах. Ресниц и бровей у него не было, а совсем светлые зрачки между воспаленными веками казались погасшими. За распухшими губами виднелись громадные квадратные зубы. На выбритом лице лежала легкая тень. Он спокойно держался за перекладину решетки огромными руками с толстыми и плоскими пальцами.

Началось слушание дела. В качестве свидетелей выступали те же крикливые люди. Все они, и особенно женщины, громко кричали, протягивая руки в сторону решетки... «Это он! — вопили они. — Мы видели его собственными глазами... Он сказал: «Теперь вы сделали свое дело...» Мой единственный сын, мой Джанни!.. А потом он еще так сказал: «Ага, не хочешь говорить, ну что же, тогда вот тебе, собака...»

«Эти люди,— думал судья Онофрио Клеричи,— совсем не умеют давать свидетельских показаний. Они недисциплинированны, и они недостойны уважения. В конце концов, этот человек за решеткой выказал свое превосходство над ними, и им не удалось подчинить его своей воле. Он показал им, как нужно вести себя. Он был сдержан и невозмутим. Он ничего не отрицал и с едва заметным раздражением глядел на них бесцветными зрачками».

Судья Онофрио Клеричи завидовал спокойствию подсудимого. Тревога, овладевшая им самим, усиливалась. Его раздражал непрерывный стук молотков, доносившийся со двора. Из окон зала было видно, как рабочие переносили балки и доски куда-то в глубину двора. «Но почему они так стучат во время судебного заседания?» — спрашивал себя судья.

Разбирался самый важный пункт обвинения: массовое убийство мужчин и женщин на площади одного селения, которое было затем предано огню. Судья Онофрио Клеричи вел допрос придирчиво и с упорством, желая восстановить события в мельчайших подробностях. Трупы оставались на площади весь день и всю ночь, и никто не смел приблизиться к ним. И Онофрио Клеричи видел убитых, лежащих на земле, в изодранной и пропитанной кровью одежде, видел, как на их запекшиеся губы и ноздри садились жирные черные мухи. Люди, сидящие в последнем ряду, продолжали сохранять полное спокойствие. И судья Онофрио Клеричи, стремясь преодолеть смущение, которое внушали ему эти люди, постарался представить их себе тоже убитыми и сваленными в кучу.

— Тогда он приблизился к нашим покойникам, — заговорил один из свидетелей, бородатый, сгорбленный старик. — Я видел его... Я видел, как он остановился перед ними и плюнул.

Судья Онофрио Клеричи уже видел этих, пришедших в зал суда итальянцев мертвыми; видел их желтые лица, развороченные внутренности, их костлявые ноги, торчащие из-под разорванной одежды, и он почувствовал, как набежавшая слюна смочила его губы. Он взглянул на губы подсудимого — бледные и распухшие — и заметил, что и на них блеснула влага. И он понял, почему этот человек плюнул тогда на площади.

Защитник произнес свою речь. Это был тот самый маленький пузатый адвокат с пористой кожей, который так забавлялся, разглядывая в газете карикатурные изображения своих соотечественников. Он восхвалял подсудимого как честного труженика, как ревнителя общественного порядка. Перечислив, таким образом, смягчающие вину обстоятельства, он просил суд сократить до минимума срок наказания.

Во время этой речи судья Онофрио Клеричи чувствовал на себе колючие взгляды итальянцев, смотревших на него из глубины зала широко раскрытыми глазами, и это заставляло его нервничать. И этот назойливый, непрекращающийся стук молотков, и эти доски и балки, которые все еще перетаскивали рабочие там, на дворе... Теперь из окон была видна веревка, чьи-то руки дергали ее, как будто хотели убедиться, достаточной ли она длины. Но для чего она?

Теперь говорил прокурор. Высокий и тощий, он стоял, упираясь руками в свои костлявые бедра, непомерно растягивая нижнюю челюсть с собачьим прикусом и брызгая слюной. Он говорил о необходимости бороться с растущей преступностью и о наказании истинно виновных. Он с уверенностью заметил, что подсудимый не принадлежит к числу настоящих преступников и что он, в сущности, не совершал ничего дурного. Свою речь прокурор закончил требованием сократить наполовину срок наказания, который назвал защитник.

Публика, сидевшая в первых рядах, зааплодировала, и в зале послышался странный звук, похожий на треск костей. Судья Онофрио Клеричи подумал: «Теперь поднимут крик те, что сидят там, в последнем ряду». Но люди, сидевшие в глубине зала, оставались попрежнему неподвижными и сосредоточенными, и он не мог понять, что у них на уме.

Суд удалился на совещание. Из окна комнаты, в которой шло совещание, хорошо был виден весь двор, и теперь судья Онофрио Клеричи понял, для чего рабочие принесли сюда балки и веревку. Посреди двора стояла виселица. Рабочих уже не было: они ушли, окончив свою работу.

«Глупцы и невежи, — подумал судья Онофрио Клеричи, — они полагали, что подсудимого приговорят к смерти. Поэтому они и соорудили эту виселицу. Но я им покажу!» И, желая их проучить, он предложил суду оправдать подсудимого. При этом он употребил все свое уменье и ловкость в искажении и подтасовке статей закона. Суд единогласно одобрил предложение Онофрио Клеричи.

Когда зачитывали приговор, больше всех волновался судья. Никто из присутствующих в зале даже не пошевелился — ни подсудимый, все еще крепко державшийся толстыми пальцами за перекладину решетки, ни порядочные люди из первых рядов, ни этот сброд, сидевший на задних скамейках. А бледные девочки с косичками, калеки и старухи — все они стояли с высоко поднятой головой и сверкающими, как пламя, глазами.

Но вот к судье приблизился секретарь и молча протянул ему на подпись бумаги. По скорбному смирению, с которым он держал их в руке, казалось, что он принес на подпись смертный приговор. Судья подписал первый лист. Тогда секретарь приоткрыл снизу второй лист. Судья поставил свою подпись и на этом листе. Он чувствовал устремленные на него взгляды изможденных людей с синими кругами у глаз, и взгляды эти жгли его. Пот выступил на лице судьи.

Между тем секретарь медленно сдвигал в сторону верхний лист, и там, на втором листе, судья Онофрио Клеричи прочел: «Онофрио Клеричи, судья, обвиняется в том, что он на протяжении многих лет оскорблял и бесчестил итальянский народ, за что он приговаривается к смерти и будет повешен, как собака».

На приговоре уже стояла его подпись.

Два жандарма с печальными и бледными лицами подошли с двух сторон и, не прикасаясь к нему, сказали:

— Судья Онофрио Клеричи, следуй за нами.

Судья Онофрио Клеричи не протестовал. Жандармы вывели его на пустынный двор и, все так же не прикасаясь к нему, подвели его к подножию виселицы.

— Поднимайся! — скомандовали жандармы.

И судья Онофрио Клеричи поднялся на стоящую рядом скамейку.

— Просунь голову в петлю.

И судья просунул в петлю свою голову.

Тогда жандармы, попрежнему не глядя на него, приказали:

— Теперь толкни скамейку.

После этого они удалились.

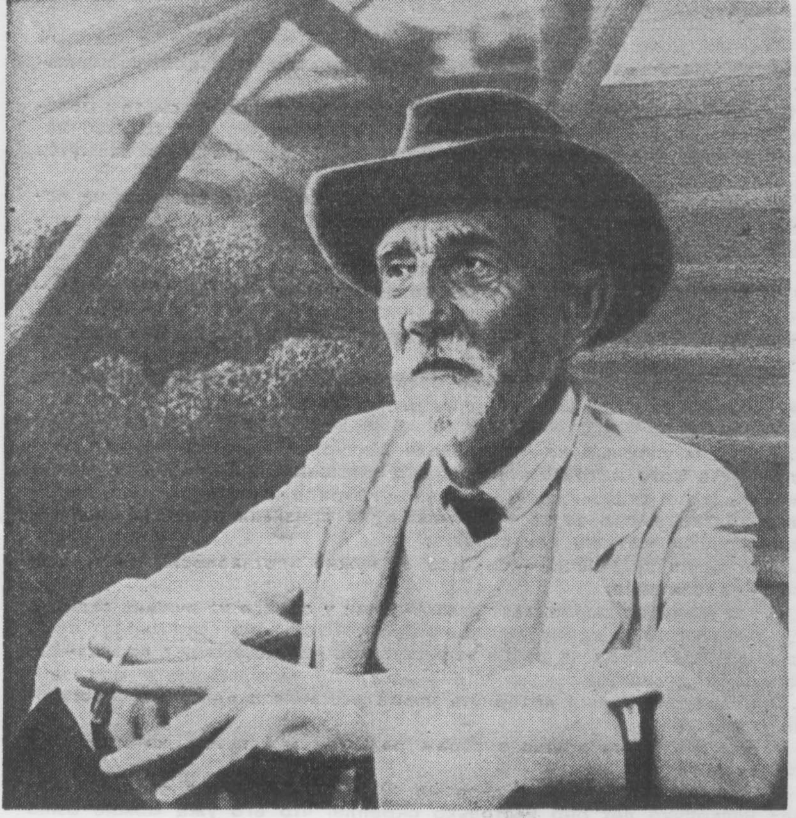
Судья Онофрио Клеричи оттолкнул от себя скамейку и почувствовал, как затянувшаяся петля сдавила ему горло, как хрустнули кости. Глаза его, как две огромные черные улитки, выкатились из орбит. Свет погас, и густой непроницаемый мрак окутал пустынный двор. Пустынный потому, что никто из итальянцев не пришел посмотреть на его смерть.

Перевод с итальянского Евг. ГАЛЬПЕРИНА

ГИГАНТ

М. ИЛЬИН

Иван Владимирович Мичурин.

КЛАДОВАЯ ПРИРОДЫ

Каждому, кто впервые раскрывает книги Мичурина, прежде всего бросаются в глаза большие цветные таблицы.

Вот на одной такой таблице поместились рядом черемуха, вишня и церападус.

Это семейная фотография: черемуха и вишня — родители, церападус — их дитя.

Чтобы создать церападус номер первый, Мичурин опылил пыльцой японской черемухи цветок вишни «идеал». И когда от этой четы родилось и стало подрастать дитя, он поручил его воспитание пятилетней черешне: срезал с гибридного деревца почки-глазки и привил их к черешне.

Так, скрестив два разных вида и дав гибриду надлежащее воспитание, Мичурин добавил еще один вид ко всем тем, которые были до того в природе.

Новому, необычному растению и имя было дано новое, непривычное для нашего уха. Церападус — это не вишня и не черемуха. У него плоды не намного меньше, чем у вишни, но растут они кистями, как у черемухи.

Вы перелистываете книгу дальше, и ваше внимание останавливает раскинувшаяся на всю страницу кисть яркокрасных плодов.

Каждый плод словно помечен пятиконечной звездочкой — пятью расходящимися во все стороны щелками.

Что это такое?

Это десертная рябина — дитя рябины и мушмулы. Горькая рябина, породнившись с мушмулой, стала сладкой. Оттого ей и дано было почетное звание «дессертная».

Для чего Мичурину понадобились эти «неразные» браки, это скрещивание культурных и диких растений — черемухи с вишней, рябины с мушмулой?

Вы вчитываетесь в текст. И вам становится понятно все глубокое значение таких опытов.

Тысячи лет росли в наших лесах дикие, не прирученные человеком деревья и кустарники: рябина, черемуха, боярышник... Они стойко выдерживали морозные зимы. Черемуха словно нарочно выбирала для цветения самые холодные дни весны — «черемуховые холода».

Каждый год рябина украшала себя тяжелыми красными гроздьями. Она давала огромный урожай. Но это был урожай, который приносил людям мало радости. Рябиной лакомились только дрозды и самые неприхотливые из ребятишек, да и то поздней осенью, после первых заморозков, когда она становилась не такой уж горькой.

Рябина росла на опушках садов, но садоводы словно не замечали ее. Они считали дикие деревья и кустарники чем-то вроде сорняков, которые только зря занимают место.

Но Мичурин другим взглядом смотрел на окружавшую его природу. Она была для него неистощимой кладовой, из которой он черпал сырой материал для создания новых растений.

Мичурин никогда не забывал, что и самые благородные деревья — яблоня, груша, вишня — произошли от диких, лесных предков.

Он шутливо говорил: «Не свалилось же в самом деле откуда-то готовое зерно яблони! Была же она прежде какой-либо осиной, или березой, или, наконец, может быть, и крапивой».

Но если груша, яблоня, вишня произошли когда-то от диких растений, то нельзя ли заставить служить людям те растения, которые и сейчас еще остаются дикими?

Природа творит медленно. Ей нужны сотни тысяч и миллионы лет для создания новых растений и животных. Но человек имеет право на нетерпение. Зачем ему ждать, когда в его власти вмешаться в работу природы, чтобы принудить растения изменяться во много раз быстрее и притом так, как нужно человеку?

Это казалось мечтой. Но Мичурин умел облекать свои мечты в форму, точную, как задание плана:

«Превратить некоторые дикие растения, как, например, холодостойкие, ежегодно плодоносящие рябины, черемухи, боярышники, в съедобные, высококультурные».

У черемухи буйный рост, она не боится холода. Пусть же она, породнившись с вишней, помогает людям создавать новые, еще невиданные деревья, увешанные тяжелыми кистями сладких плодов.

Рябина бесполезно для человека растрачивает щедрый дар, который она получает от солнца, от почвы. Пусть же она отдает этот дар людям. Пусть, переродившись, она идет на далекий суровый север и несет детям не горькие, а сладкие плоды. Ей северный холод не страшен. А чтобы она не боялась даже самых сильных сибирских морозов, волшебник Мичурин обращает ее в карлицу: побегам карликовой рябины легче будет спрятаться зимой под снегом.

Внимательным, хозяйским взглядом осматривает Мичурин леса страны. Что может быть дальше от его родных мест, чем Дальний Восток?

Но зоркий взгляд Мичурина отыскивает в Уссурийской тайге чудесное растение — актинидию.

Она взбирается высоко на деревья, она оплетает кусты, она опутывает поляны, так что прохожий падает, споткнувшись о ее буйно спутанные лозы.

Эти лозы густо увешаны, как колокольчиками, сладкими ароматными плодами.

Мичурин пишет письма на Дальний Восток. Ему отвечают: «Ягод актинидии в продаже здесь совсем не бывает, да и о существовании ее здесь мало кто знает из садоводов».

Местные садоводы не заметили актинидию. А Мичурин издалека — с расстояния в несколько тысяч километров — заметил.

На имя Мичурина приходит посылка. На ней штемпель: «Почтовая станция Эхо». Это откликнулся на зов Мичурина офицер пограничной службы. В посылке горсточка семян актинидии.

Мастер берется за работу. Он создает несколько новых, еще лучших, чем в природе, сортов актинидии.

Со своими крупными зелеными ягодами, с трехцветными листьями — сверху зелеными, снизу белыми и розовыми — она похожа на растение из волшебного сада. И Мичурин твердо верит, что придет время, когда преображенная трудом человека актинидия станет виноградом севера.

ПЛОДЫ ЕГО ТРУДА

За северный виноград — актинидию — скажут спасибо Мичурину наши дети и внуки. Но уже сейчас мы говорим ему спасибо каждый раз, когда держим в руках мичуринское яблоко или грушу.

Ароматным потоком разлились, рассыпались по стране плоды его сада, плоды его творческого труда.

Каждое яблоко, если бы оно могло говорить, рассказало бы историю долгих и смелых поисков, упорной борьбы человека со всяческими преградами и трудностями.

Вот большое продолговатое яблоко с нежным, розовым загаром на стороне, которая была обращена к солнцу.

Где оно выросло? В Крыму? Нет, его родина — Мичуринск. Но его предки, с отцовской стороны, действительно родом из Крыма.

Мичурин давно уже присматривался к крымскому яблоку «кандиль-синап». Оно и вкусно и красиво. Но «кандиль-синап» — неженка, он боится северных морозов.

А Мичурину хотелось дать такое же вкусное и красивое яблоко своим землякам — людям, живущим в краю снегов и морозов.

Заставить южанина жить на севере было невозможно. Но его детей — при надлежащем воспитании — можно было попробовать приучить к холодам. Надо было только подыскать подходящую мать для этих будущих детей.

Взять лесную дикую яблоню? Но она передала бы потомству не только свою выносливость, но и свои свойства дикарки. При скрещивании она испортила бы вид и вкус плодов.

Гораздо больше подходила для этой цели неприхотливая, но облагороженная человеческим трудом яблоня-китайка.

Выбор был сделан.

Мичурин дождался, когда молоденькая яблоня-китайка в первый раз убралась цветами, и опылил эти цветы пыльцой «кандиль-синапа».

Сеянцы стали подрастать. Но чем старше они становились, тем больше делались похожи на южанина-отца. Это чрезмерное сходство начинало пугать Мичурина: можно было опасаться, что дети окажутся такими же неженками, как отец.

Всякий другой на месте Мичурина решил бы, что тут ничего не поделаешь: против наследственности, как против судьбы, не пойдешь.

Таков был общий взгляд на наследственность.

Но Мичурин не ходил по проторенным дорожкам. Он уже тогда — в начале девяностых годов прошлого века — был твердо уверен, что человек может изменять порядок, заведенный в природе, и вводить новый порядок, нужный человеку.

С его точки зрения, это было беспорядком, а не порядком то, что вкусные, сочные южные плоды не растут на севере, где они так нужны людям.

Долгие и упорные опыты привели Мичурина к мысли, что наследственность хоть и трудно, но можно расшатать. Молодой, еще не окрепший, не установившийся организм гибрида поддается переделке — надо только умело за него взяться: одни признаки подавить воспитанием, другие развить или создать.

Если наследственность — сила, то ей нужно противопоставить другую силу — воспитание.

И вот Мичурин вырезывает глазки-почки у одного из лучших сеянцев и прививает их в крону матери-китайки. Пусть она воспитывает сама свое детище. Когда из почек вырастут побеги, мать будет подкармливать гибрид своими соками и передаст ему устойчивость к морозам.

Так Мичурин решил повернуть новое растение с одной наследственной колеи на другую.

И оно послушно пошло в своем развитии тем путем, который ему указал Мичурин.

Деревцо росло, и даже суровые зимы не могли его погубить. Через несколько лет оно настолько окрепло, что его уже можно было оставить без материнской опеки. Мичурин понемногу стал удалять из кроны ветви «китайки». «Китайка» сделала то, что ей было поручено: научила свое детище не бояться мороза.

Прошло десять лет с начала опыта. В мичуринских опытах время исчислялось десятилетиями.

Деревцо дало наконец первые долгожданные плоды. Но что это были за плоды! Они были такие незрачные и мелкие, что казалось, новый сорт никуда не годится. Они пролежали только до декабря и стали сохнуть, морщиться. А семена не дали всходов.

Всякий другой на месте Мичурина выкопал и выкинул бы негодное деревцо. Всякий другой решил бы, что против наследственности, против судьбы, не пойдешь.

Но для Мичурина не существовало «трагедии рока». Он знал, что переделка растений требует долгого, терпеливого труда.

Молодому деревцу надо было дать время сформироваться.

Мичурин уберег деревцо, заботился о нем, наблюдал за ним. Ежегодно делал снимки, записывал все особенности своего питомца.

Так педагог следит за развитием ребенка и запоминает каждое его новое слово.

И деревцо вознаградило Мичурина за терпение. С каждым годом яблоки нового сорта становились все крупнее и вкуснее. На пятый год плодоношения они превзошли по величине крымские яблоки. А на восемнадцатый год яблоко «кандиль-китайка» уже весило чуть ли не вдвое больше, чем яблоко «кандиль-синап».

ЧЕЛОВЕК УПРАВЛЯЕТ НАСЛЕДСТВЕННОСТЬЮ

Можно было бы рассказать много таких случаев, когда Мичурин сознательно и планомерно управлял наследственностью.

Если нужно было, скажем, ослабить наследственность с материнской стороны, Мичурин подбирал мать помоложе — при первом ее цветении.

Если надо было усилить наследственность, он выбирал материнское или отцовское дерево старое, уже много раз приносившее плоды.

Он думал обо всем: и о почве, и о климате, и о рельефе.

Выражение «родная почва» было для него полно глубокого смысла. Он знал, что если растить детей на родной почве матери, они будут больше похожи на мать Так поступил он, когда воспитывал потомство, которое произошло от скрещивания степной самарской вишни с владимирской «родителевой». Он выписал из Владимира для сеянцев несколько пудов этой «родной почвы».

Однажды соседи Мичурина, привыкшие к его «странностям», были поражены «чудачеством», которое превышало, по их мнению, всякую меру. Он неожиданно перенес свой сад на другой участок, и притом с лучшей почвы на худшую. Им это было непонятно. А Мичурин знал, что делает. Слишком тучная почва баловала его питомцев, которым он хотел дать суровое, спартанское воспитание.

Интересна история яблони бельфлер-китайка, которая растет теперь в 44 областях нашей страны. Чтобы создать этот сорт, Мичурин взял для скрещивания нашу китайку и американский бельфлер желтый. Опыт говорил ему, что наследственность легче расшатать, если скрещивать не близких, а дальних родичей. Когда стал подрастать гибрид-сеянец, Мичурин дал ему — одного за другим — нескольких «воспитателей». Среди этих «воспитателей» были и тот же бельфлер, и наполеон, и антоновка полуторафунтовая. А в результате новый сорт оказался гораздо лучше и выносливее своих заокеанских родичей.

Спокон века люди считали, что яблоко — это яблоко, а груша — это груша. Говорили: "Яблоко недалеко от яблони падает».

Но вот Мичурин берет почку с яблони и прививает, приращивает ее к груше. Вырастает новое деревцо, которое приносит плоды странного вида: яблоки, похожие и формой, и цветом, и вкусом на грушу.

Мичурин дает новому сорту название: «ренет бергамотный». Это было все равно, что сказать: «грушевое яблоко». Ведь ренет — это сорт яблока, а бергамот — сорт груши.

Старая поговорка оказалась тут неверной. Она была верна, пока не было Мичурина. В его саду яблоко упало недалеко от груши.

Но, может быть, это было случайным, ненаследственным сходством? Чтобы тут не было сомнений, Мичурин опылил цветы «ренета бергамотного» пыльцой других яблонь. А один из его последователей, С. И. Исаев, поступил иначе: пыльцой «ренета бергамотного» опылил другие яблони.

Мичурин не дождался последних результатов этого полувекового опыта. Гибриды «ренета бергамотного» и других яблонь дали плоды только недавно. И эти плоды, как и следовало из мичуринского учения, опять оказались похожими на грушу!

Такие факты противоречили не только старой поговорке. Они противоречили привычным представлениям, всему тому, что считалось «незыблемыми законами наследственности».

И отсюда можно было сделать только один вывод, что эти «незыблемые законы» существуют не в природе, а в головах ученых-схоластов.

Мичурин убеждался в этом на каждом шагу.

Он видел, как в природе создаются новые формы под совместным влиянием наследственности и внешней среды. Он сам, собственными руками, изменял наследственную природу своих яблонь и груш, давая им другую почву, другое питание, чужие соки, чужие корни и листья.

А ученые-схоласты пытались доказать, что наследственность нельзя направленно изменить, меняя внешние условия. Для них вся история живых существ на земле была простой перестановкой все тех же неизменных признаков, разыгрыванием все новых шахматных комбинаций с теми же вечными фигурами.

И Мичурин в своих статьях не жалеет сарказма по адресу таких схоластов — Менделя и ему подобных.

Мендель, исследуя гибриды гороха, пытался вывести статистические законы, которым должны подчиняться комбинации признаков.

Мичурин высмеивает эти «законы», называя их не иначе, как «гороховыми».

Занося в рабочую тетрадь результаты одного из своих опытов, Мичурин пишет: «Вот, господа менделисты, как вы подведете это под свой закон?»

Он даже здесь, в рабочей тетради, не забывает о противниках.

Он не устает доказывать, что гипотеза Менделя «противоречит естественной правде в природе, перед которой не устоит никакое искусственное сплетение ошибочно понятых явлений».

ГИГАНТ

В первом томе сочинений Мичурина есть страница, которая озаглавлена: «Мечта моей жизни».

Мичурин рассказывает здесь, как он с юных лет мечтал о том, чтобы продвинуть поближе к Полярному кругу яблоню, грушу, вишню, чтобы перенести на север виноград, абрикос, персик, чтобы покорить человеку дикие растения, чтобы заставить плодовые деревья давать такие плоды, каких еще не бывало.

Мечтать можно по-разному. Есть мечты, которые исчезают при первой встрече с действительностью.

Но Мичурин умел мечтать. Он всю жизнь, все свои силы отдал тому, что показалось бы всякому другому несбыточным делом.

Шутка ли, передвинуть юг на север! Насадить сады у Полярного круга! Создать такие плодовые деревья, каких еще никогда не было на земле!

Чтобы мечта стала действительностью, нужна была наука. А такой науки — о переделке природы — еще не было.

Садоводы занимались «кладоискательством»: сеяли семена и отбирали случайно попадавшиеся среди сеянцев деревца с лучшими плодами. Мичурин называл это «самым низкопробным делом».

«На таком способе далеко не уйдешь,— говорил он.— Так долго ждать улучшения нельзя». И Мичурин пришел к мысли, которая стала девизом его жизни: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее наша задача».

Но как взять?

Уже существовало дарвиновское учение. Оно объясняло эволюцию, историю живого мира. Теперь надо было пойти дальше: направить эволюцию так, как это нужно человеку.

Мичурин смело взялся за руль.

Гигант! Это слово невольно приходит в голову, когда думаешь о Мичурине.

Только гиганту могла быть по плечу такая задача.

Ведь не надо забывать, в какие времена прошли первые сорок три года его работы и шестьдесят три года жизни!

Казалось, все было против того, чтобы гигант стал гигантом. Словно поставлен был опыт: выдержит человек или не выдержит, откажется от своей мечты или не откажется?

Он сокрушал авторитеты, он называл неучами схоластов с учеными званиями и дипломами. А сам был человеком без диплома. Ему не

удалось попасть в университет, потому что он остался в юные годы без всякой поддержки, без средств и должен был пойти работать.

Он мог бы показать на сады и леса своей Родины, на всю природу и сказать: «Вот мои университеты!» Но для его дипломированных противников он всегда оставался дерзким «самоучкой».

Когда он начинал, у него не было земли. Он был садовод без сада. Он выращивал свои первые яблони и груши на задворках козловских предместий, на пустыре, на свалке, заросшей бурьяном.

И вот долгие годы он борется за каждый вершок земли для посадок. Он записывает в рабочую тетрадь: «Считая по четыре вершка на каждое растение, можно продержаться три года».

Для работы нужно время. А у него нет времени. Он вынужден служить на железной дороге — сначала конторщиком, а потом монтером.

Вместо деревьев своего сада он видит с утра до вечера паровозы, вагоны, пакгаузы. Ему бы сажать, прививать, ухаживать за своими зелеными любимцами. А он должен заниматься починкой станционных часов и телеграфных аппаратов.

И он борется за каждый час досуга, чтобы отдать его любимому делу.

Для работы нужны деньги — на покупку книг, инструментов, саженцев, семян, черенков. А у него нехватает денег даже на самое необходимое. Он заносит в дневник каждый истраченный грош, он питается тюрей — хлебом и луком, накрошенными в соленую воду. И выписывает дорогие сорта груш и яблок из Парижа от Вильморена, из Меца, из Луизианы!

Далеко за полночь горит огонек в его окне. Он сидит, согнувшись за верстаком, копаясь в механизме часов. Он чинит будильники, ходики, пузатые серебряные луковицы. Эта работа дает ему добавочный заработок, который он опять-таки тратит не столько на себя, сколько на свои опыты.

Мичурин-часовщик помогает Мичурину-садоводу.

Когда надо переезжать за город, на новое место, он перетаскивает за семь верст на собственной спине свои деревца, свою «зеленую семью». На подводу у него нет денег. Ведь эта зеленая семья — все эти яблони и груши, двухлетки и пятилетки — растет, требует ухода, забот, затрат.

У него нехватает здоровья. Начинается кровохарканье, а работа в саду требует тяжелого труда. Но нехватку здоровья и сил восполняет с лихвой упорное, страстное стремление к цели.

А упорства ему не занимать стать.

Вот он сидит за географической картой и вычерчивает на ней границу, дальше которой не идет к северу персик.

Балта—Бердянск—Ставрополь. До Козлова с лишком шестьсот верст!

Мичурин прикидывает: если взять самые выносливые сорта, черту можно подвинуть к северу верст на двести.

Карандаш снова идет по карте — через Киев, Полтаву и Астрахань.

Но и тогда до Козлова останется еще целых четыреста верст!

И Мичурин записывает в дневник: «Этого слишком достаточно, чтобы убить всякую надежду на возможность культуры персика в нашей местности. Но, во-первых, чего нет, того и хочется. А во-вторых, чего не достигал упорный, настойчивый труд и терпение человека? Нужно искать способы и пути». Задача огромна. А Мичурин одинок. В течение долгих лет его единственные помощники — жена, дочь, сестра жены. Это первые мичуринцы.

Ему не от кого больше ждать помощи. У себя в питомнике Мичурин живет отшельником, Робинзоном на необитаемом острове.

Обывателям работы его кажутся ненужными, «чепухой», «затеями». «Вот чудак, персики думает завести в Козлове! А у самого куска черного хлеба нет!»

Через много лет, оглядываясь на это время, Мичурин будет вспоминать: «Чиновники из департамента кричали на меня «не сметь!» Казенные ученые объявляли мои гибриды «незаконнорожденными». Попы грозили: «Не кощунствуй».

Он создает основы новой науки о жизни и хочет, опираясь на эту науку, «преобразовать российское садоводство», а Россия и не слыхала о нем.

Но он не молчит. Русские садоводы должны знать о новых путях, которые он прокладывает! Он посылает статьи в журналы. Он раздает проводникам, кондукторам, разносчикам яблок тысячи экземпляров каталогов и прейскурантов своего питомника.

Эти каталоги и прейскуранты скорее следовало бы назвать воззваниями и манифестами.

Он призывает к борьбе с климатом, с морозами, с засухой. Он утверждает: «Добрая половина вины падает на человека». Он убеждает: «Надо бороться тем энергичнее, чем больше неудачи».

Его не слышат или не хотят слышать. Он родился слишком рано, этот преобразователь природы.

Все против него — и люди и стихии.

Морозы губят его первую коллекцию южных плодовых деревьев. Иноземцы с пышными титулами и званиями — «мадам Ламбр», «маршал Вальян», «президент Мас», «ренет Орлеанский» — не выдерживают русской зимы. Из шестисот видов и сортов, собранных на клочке земли, как в музее, остаются в живых только русские «антоновки», «анисовки», «тонковетки».

Но Мичурин не обижается на русский «морозец», как он его ласково называет. Он знает, что морозец — это строгий ревизор, который проверяет его работу. И он заново создает свой сад так, чтобы мороз не браковал больше мичуринских яблонь и груш.

Во время весеннего разлива — в 1915 году — река выходит из берегов и заливает его питомник. Потом снова наступают холода, река покрывается льдом и хоронит под обломками льда ценные, годами выращенные растения.

Мичурин и тут не падает духом. Он продолжает свой труд, свою неустанную борьбу.

Жизнь коротка, а каждый опыт требует десятилетий. Но Мичурин работает так, как будто ему предстоит прожить сотни лет. Он верит в будущее своей науки, в будущее своей Родины.

Американцы предлагают ему огромные деньги за его коллекцию, предлагают полностью перенести за океан всю его усадьбу вместе с деревьями и с ним самим.

Но Мичурин гордо и презрительно отклоняет это предложение. Ему стать «американским наемником»? Не для того он всю жизнь посвятил преобразованию российского садоводства, обновлению родной земли!

Пусть для этого обновления еще не настало время.

Мичурин умеет быть терпеливым. Он ни на один день не прекращает борьбы с консерватизмом природы, с консерватизмом в науке и в окружающем его обществе. В этой борьбе он создает свои яблони, груши, вишни, создает свое учение, самого себя — характер упорный, терпеливый, бесстрашный, независимый.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕЧТЫ

И вот приходит семнадцатый год, а вместе с ним тот строй, без которого Мичурин так и остался бы, как он говорил, «незаметным отшельником экспериментального садоводства в царской России».

Он родился слишком рано. Но время догнало его. И старик снова чувствует себя молодым. Он становится наконец тем, чем он должен был стать: не «отшельником», не «одиночкой-опытником», а преобразователем природы в огромном масштабе.

Рухнули все преграды. Для осуществления самых смелых мичуринских замыслов создаются великолепные лаборатории, институты, опытные станции. Возникает Мичуринский сад — совхоз на площади в тысячи гектаров. Это сад, огромный, как лес, где на километры тянутся мичуринские «кандили», «шафраны», «бессемянки».

В стране строится социализм, в стране идет гигантская работа преобразования природы. И ручей мичуринского труда, став полноводной рекой, вливается в океан всенародного творчества.

Мичуринское движение ширится, вовлекая все новые районы и области, все новые массы людей — ученых, агрономов, колхозников — в дело преобразования живой природы. Юг продвигается на север, как об этом мечтал двадцатилетний Мичурин. Мичуринские сорта — «ренет бергамотный», «кандиль-китайка», «бельфлер-китайка», «бере зимняя», «бессемянка Мичурина», «вишня плодородная» и многие другие — введены в стандарт в десятках областях страны.

Сбывается мечта, казавшаяся несбыточной. Ее осуществление требовало огромного размаха. Для этого Мичурину нужна была не маленькая лаборатория, а вся страна — от Полярного круга до субтропиков, нужны были миллионы участников, поколения исследователей, не годы, а десятилетия и века. Недаром он писал о своем учении, что это «основа, которую мы завещаем естествоиспытателям грядущих веков и тысячелетий».

Гигантский масштаб пространства и времени! Только социализм мог дать мичуринскому делу такой масштаб.

В дни своего юбилея Мичурин пишет товарищу Сталину: «Коммунистическая партия и рабочий класс дали мне все необходимое — все, чего может желать экспериментатор для своей работы».

Оглядываясь на пройденный путь, на себя самого, он говорит в статье «Мечта моей жизни»:

«Мне кажется, что теперь я, на восьмидесятом году своего жизненного пути, вдруг встретил приятного, но незнакомого мне ранее человека. Все так чудесно изменилось! Что может быть более удивительного, когда шестидесятилетие моих работ и скромные мои достижения отмечаются, как праздник советского садоводства».

Мичурин был слишком скромен. Его юбилей был праздником не только советского садоводства, но и всей советской науки.

Всенародное признание, могучая помощь всей страны, многие тысячи колхозников-мичуринцев, целая плеяда последователей-ученых во главе с академиком Лысенко — все это было залогом того, что начатый труд будет продолжаться со все возрастающим размахом...

Последние годы Мичурина были похожи на заключительную главу волшебной сказки о том, как сбылись несбыточные мечты. Но какой сказочник мог бы придумать такую заключительную главу и такого мастера-великана, каким был Мичурин?

Первый исследователь Камчатки

Географическое издательство выпустило в свет книгу, которая давно стала библиографической редкостью. Она принадлежит перу замечательного русского ученого, современника Ломоносова — Степана Петровича Крашенинникова.

Более трех лет (1737—1741) Крашенинников провел на Камчатке, участвуя в Великой северной экспедиции. «Описание земли Камчатки» было первым научным трудом об этом далеком и неведомом в те времена уголке русской земли.

Книга Крашенинникова привлекла внимание Пушкина. Увлеченный живописными и очень точными рассказами автора о «камчатской землице», Пушкин за семь дней до роковой дуэли составил обстоятельные «Заметки при чтении «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова», видимо, предполагая еще вернуться к этой заинтересовавшей его теме освоения далеких окраин России отважными землепроходцами и мореходами XVII и XVIII столетий.

Подобно всем талантливым книгам, «Описание земли Камчатки» не устарело. Современный читатель найдет в нем не только научные наблюдения, не утратившие своей ценности за двести лет, но и живое, красочное описание природы и быта населения, сделанное человеком, который обладал выдающимся литературным дарованием.

Поразительна разносторонность этого русского ученого XVIII века. Его труд о Камчатке содержит в себе и широкий исторический обзор событий и фактов, и подробные записи о животном и растительном мире, о природных богатствах, речных системах, о климате, об извержениях вулканов, о сельском хозяйстве, и разнообразные наблюдения над бытом, нравами, обычаями местного населения.

Если добавить к этому, что в каждом разделе своей книги Крашенинников выступает как передовой человек своего времени, наделенный в высокой степени зоркостью ученого, то понятным станет тот исключительный интерес, с которым было встречено «Описание земли Камчатки» не только в России (первое издание вышло в 1755 году), но и за ее рубежами. Книга Крашенинникова тогда же была издана в Англии, Франции, Германии, Голландии.

Новое издание книги Крашенинникова рассчитано на широкий круг читателей. Желая сделать труд Крашенинникова более доступным каждому грамотному человеку, издательство внесло изменения в словесную ткань подлинника, приблизив его стиль, его речевые обороты к современному русскому языку. Вскоре ожидается выход в свет нового, четвертого, академического издания труда Крашенинникова.

Следует отметить, что Географиздат взялся за очень благодарную и важную задачу переиздания классических трудов русских и иностранных путешественников и деятелей географической науки. За последние два года на книжных витринах появились произведения, составляющие золотой фонд мировой географической литературы.

Вышло в свет — первым изданием — «Путешествие в Тянь-Шань» корифея русской географической науки П. П. Семенова-Тяньшанского; переизданы труды великих путешественников Н. М. Пржевальского, П. К. Козлова. Издана замечательная книга Г. И. Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России», а также давным-давно не переиздававшиеся труды первых русских кругосветных путешественников: Ю. Ф. Лисянского, Ф. П. Литке, О. Е. Коцебу. Вышли в свет новым изданием труды выдающихся исследователей Азии: Г. Н. Потанина, Н. А. Северцова, Г. Е. Грум-Гржимайло. Советский читатель получил в новом издании «Путешествия по Южной Африке» Д. Ливингстона, «В дебрях Африки» Г. Стенли, «Путешествие к Южному полюсу и вокруг света» Джемса Кука, «Гостеприимную Арктику» В. Стефанссона.

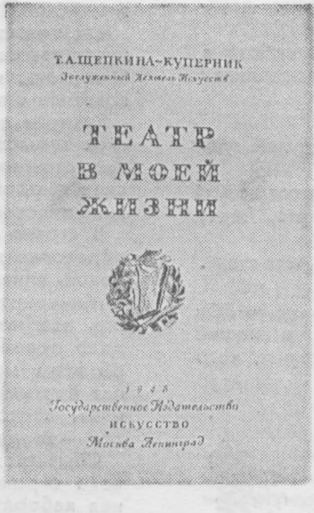
Степан Крашенинников.

Советский читатель проявляет живой интерес к этой литературе, повествующей о великих открытиях, об отважных плаваниях и путешествиях. Это книги, которые, подобно «Описанию земли Камчатки», рассказывают о том, как ученые расшифровали «белые пятна» на карте мира.

И. ОСИПОВ

Степан Крашенинников. Описание земли Камчатки. В изложении по подлиннику и под редакцией Н. В. Думитрашко и Л. Г. Каманина. Государственное издательство географической литературы. 1948. 292 стр. Цена 9 руб. Тираж 15 000.

Жизнь театра

Театр в большой жизни Т. Л. Щепкиной занимал очень важное место, он был в значительной мере ее профессией. Ее дружба с самыми выдающимися мастерами театра возникала чаще всего на профессиональной, рабочей основе, и это придает особую привлекательность ее рассказам: есть в них и профессиональная трезвость и глубокая серьезность, а когда есть увлечение и «превосходные степени», то это вполне оправдано обстоятельствами. Пусть кое-что в воспоминаниях Щепкиной кажется наивным, в целом эта очень содержательная книга с интересом прочтется каждым, кто хочет знать больше о нашем искусстве в его прошлом и настоящем.

В этой короткой заметке можно привести только некоторые, наиболее характерные наблюдения и замечания Т. Л. Щепкиной:

«Тогда еще артистов развозили в «казенных каретах»... Иногда с нами садилась «сама» Ермолова, и я, как мышонок, притаясь в уголке, с замиранием сердца слушала ее неповторимый голос, произносивший не стихи Шиллера или Шекспира, а обыкновенные слова, обращенные к тете» (артистке Малого театра О. П. Щепкиной).

Так началась дружба автора этой книги с Ермоловой, которая уже не прерывалась до последних дней великой актрисы.

Читатели уже знают большую книгу Т. Л. Щепкиной-Куперник «О Ермоловой». Приведем из новой ее книги только несколько замечаний о том, чем была Ермолова для целого поколения передовых людей России:

«Трибуном свободы, лозунгом истины была для нас эта прекрасная, в жизни такая молчаливая женщина, с лицом Сивиллы и фигурой Венеры Милосской». Она родилась в убогом подвале, в семье бедного чахоточного суфлера. «Откуда у этой бедной девочки... это прирожденное величие, эта несравненная грация, делавшая все ее движения живой музыкой, откуда взялись эти безупречные манеры, эти интонации, где она видела, где слышала их? На том церковном дворике, где в детстве играла с детьми белошвейки или пономаря?»

И когда возникал новый великий русский театр, МХАТ, Станиславский писал Ермоловой: «...если бы меня спросили, где я получил воспитание... я ответил бы: в Малом театре, у Ермоловой и ее сподвижников... Ах, зачем вы не побывали в свое время в Европе, тогда бы все знали, что первая артистка мира — не Дузе, а наша Ермолова».

Много рассказывает Щепкина-Куперник в этой книге и о сподвижниках Ермоловой: о Ленском, о Южине и, в частности, о той роли, которую сыграл Южин в жизни нашего блистательного современника А. А. Остужева; о Е. К. Лешковской, которая создавала шедевры в ролях «гранд-кокетт», но всегда говорила с горечью: «Надоело мне играть «мерзавок с гардеробом».

В Москве, на Божедомке, на квартире Щепкиной, бывал среди многих других замечательных людей и Шаляпин. «На сцене он казался неуклюжим: длинный, очень белокурый, с круглым русским лицом — такой простой паренек с Волги, так бы и надеть ему, казалось, синюю пестрядинную рубаху да лапотки... Когда его в первый раз привели к Ермоловой, она воскликнула: «Как... это Шаляпин?» Так непохож был вошедший на сатанинский образ Мефистофеля... Шаляпин сконфузился и пробормотал:

— Да уж извините... какой есть...»

Особый интерес представляют главы, посвященные МХАТ.

«Что отличает этот театр от других, выделяет его от общего уровня, составляет, так сказать, его секрет? — спрашивала Т. Л. Щепкина в «Северном курьере», когда театру не было еще двух лет, и отвечала очень проницательно: «Общее настроение на сцене и вне сцены». «Театр должен быть всегда выразителем чаяний и вкусов зрителя. Такой театр должен был возникнуть, и он возник».

Тесно связана с главами о МХАТ, о тех его мастерах, которые известны всему миру, и о тех, которые по разным причинам не смогли развернуться во всю свою силу (Самарова и особенно Бутова), очень содержательная глава о Чехове.

Для автора этой книги А. П. Чехов был раньше всего «друг Лики», ее подруги Лидии Стахиевны Мизиновой, той самой «Лики», «девушки необыкновенной русской красоты», о которой так много сказано в чеховских письмах. Щепкина ярко описывает встречи Чехова с Ликой и ее подругами.

Увлекательно описана и жизнь в Мелихове. Цветы и растения очень хорошо слушались всех Чеховых, рассказывает Т. Л. Щепкина: «...хоть палку воткни — все принимается». Много времени отдавал своему саду А. П. Чехов и одновременно самоотверженно работал как врач среди крестьян во всей округе и одновременно же писал «Дом с мезонином», «Ариадну», «Володю большого и Володю маленького», «Чайку», «Палату № 6» и др. В обширной литературе о Чехове эта глава из книги Щепкиной займет не последнее место.

Александринский театр не сыграл в художественном развитии автора такой роли, как Малый и Художественный. Поэтому и главы о Петербурге гораздо менее ярки, хотя в них проходят такие интересные фигуры, как Давыдов, Юрьев, Савина Ходотов, Максимов и недавно скончавшаяся замечательная советская актриса В. А. Мичурина-Самойлова.

В двух последних главах — «Шекспир» и «Испанский театр» — автор рассказывает о своих поездках «к Шекспиру», в Англию, и «к Лопе де Вега, Сервантесу и Кальдерону», в Испанию, об отличном спектакле Хмелева — Кнебель «Как вам это понравится» в Театре имени Ермоловой и весьма незаурядном спектакле В. С. Канцеля «Учитель танцев» в ЦТКА. Признанный мастер стихотворного перевода, Т. Л. Щепкина даже в этой мемуарной книге задорно вмешивается в наши непрекращающиеся споры о методах художественного перевода...

Л. БОРОВОЙ

Т. Л. Щепкина-Куперник. Театр в моей жизни. «Искусство». 1948. 423 стр. Цена 25 руб. Тираж 5000.

О чем говорит «Мегафон»

Повесть-памфлет американского писателя Томаса Стриблинга «Мегафон» посвящена разоблачению современной американской политической жизни. Действие книги развертывается в Мегаполисе, столице одного из штатов. Главный персонаж повести, ничтожный и беспринципный карьерист Каридиус, избирается при помощи темных сил, контролирующих американские выборы, сперва на пост члена палаты представителей от Мегаполиса и затем на пост сенатора. Случайные обстоятельства — ссора двух политических клик, между которыми лавировал Каридиус,— приводят к краху его политическую карьеру и исключению из сената. Тогда его приятели и сообщники, используя нездоровую тягу американской широкой публики ко всякой сенсации и рекламе, проводят на освободившееся место сенатора жену Каридиуса, тупую, буржуазную мещанку. Такова фабула повести Стриблинга. Ничего неправдоподобного в ней нет. Известно же, что один из американских политических воротил («боссов»), расхваставшись, заявил, что при наличии достаточного избирательного фонда он берется провести на любой пост в США «рыжего пса против апостола Павла».

Одна из клик, регулирующих в повести Стриблинга политическую жизнь Мегаполиса, — это могущественная «машина» промышленного и финансового магната Мэррита Литтенхэма. Практическим руководителем «машины» является маститый «босс» Крауземан, верный слуга плутократии. «Охраняя и укрепляя олигархию капитала в Америке, вы тем самым охраняете краеугольный камень американской свободы и независимости. Это поистине спасительная идея, мистер Каридиус, настоящий путеводный маяк в темном море политики»,— так поучает «босс» своего ставленника, будущего конгрессмена и сенатора.

Вторая клика возглавляется крупным гангстером Канарелли, действующим с помощью прожженного политического дельца, адвоката Мирберга. Клика Канарелли, тесно связанная с преступным миром города, чаще прибегает к прямой уголовщине, чем ее конкуренты, однако цели и методы политической деятельности бандита и «почетного» капиталиста настолько схожи, что почти неразличимы. Автор так же интересно показывает сходство и тесную взаимосвязь деятельности Канарелли и Литтенхэма как «бизнесменов». Практически оказывается невозможно провести линию водораздела между бандитизмом и узаконенными, «легальными» формами капиталистической наживы. Колоритны детали быта и нравов «народных представителей» в Вашингтоне, расхищающих государственные средства и представляющих лишь одного господина—американский монополистический капитал.

При ценности разоблачительных страниц Стриблинга и известном остроумии памфлета в целом бросаются в глаза серьезные недостатки книги. Как показывают предыдущие произведения Стриблинга, его недовольство капиталистическим порядком тесно переплетено с идеализацией реакционных поместно-плантаторских пережитков на юге США. Стриблинг не принадлежит к прогрессивным писателям США и никак не связан с кругами американского народа, которые ведут борьбу с американским империализмом.

Это ясно чувствуется в повести. Она лишена всякой веры в народ. Народ вообще отсутствует в повести как думающая и активная сила. Холодный скептицизм автора никак не может заменить демократического протеста, которым отмечены лучшие произведения передовой американской литературы. Повесть Стриблинга уступает не только подлинно передовым романам Фаста, но и последним книгам Синклера Льюиса («Гидеон Плепиш», «Королевская кровь»).

А. СТАРЦЕВ

Томас Стриблинг. Мегафон. Роман. Сокращенный перевод с английского А. Карнауховой, предисловие Я. Викторова. Государственное издательство иностранной литературы. 1948. 311 стр. Цена 14 руб.

И. И. Бродский. АЛЛЕЯ ПАРКА.

И. И. БРОДСКИЙ

1884—1939

Картина И. И. Бродского «В. И. Ленин в Смольном» — одно из самых любимых произведений советского народа. Репродукции этой картины, хранящейся в Третьяковской галлерее, миллионными тиражами разошлись по всему Советскому Союзу. Копии с нее украшают стены многих дворцов культуры, клубов и изб-читален.

Не только эта картина, но и многие другие произведения Бродского, одного из основоположников социалистического реализма в живописи, широко известны и любимы нашим народом. На недавно закрывшейся Всесоюзной выставке в честь 30-летия советских Вооруженных Сил экспонировались две его работы: «К. Е. Ворошилов на лыжной прогулке» и «Портрет М. В. Фрунзе»,— привлекавшие внимание посетителей выставки.

И. И. Бродский родился в 1884 году в селе Софиевке, близ города Бердянска (ныне Осипенко). По окончании Одесского художественного училища он переехал в Петербург и продолжал свое образование в Академии художеств. Учился Бродский у Репина. Именно от него перенял молодой живописец реалистическое восприятие природы, стремление к простоте, максимальную правдивость, точность и строгость рисунка.

Репин любил своего ученика, высоко отзывался о нем и много позже писал так: «О Бродском написать легко: надо быть только в хорошем настроении. Потому что и его характер, и произведения, в которые он вкладывает столько любви и красоты, всегда журчат чистым источником ключевой воды...»

С самого начала творческой деятельности Бродский работает в различных жанрах — пейзаже, портрете. В дни первой русской революции он активно участвует в сатирических журналах. Были случаи, когда из-за его рисунков, обличавших самодержавие, цензура прекращала издание журнала. События 1905 года навеяли Бродскому создание картины «Красные похороны». Он выполнил к ней большой эскиз, который подвергся аресту. В 1918 году автор разыскал его и подарил Музею революции.

События 1917 года были решающими для творческого формирования художника-гражданина. «Великая Октябрьская революция с первых же дней глубоко захватила меня... Я понял, что отобразить революционную эпоху и ее великих людей — долг каждого художника»,— говорил Бродский.

«Ленин на трибуне», «Ленин в Смольном», «Выступление В. И. Ленина на Путиловском заводе», «Портрет И. В. Сталина», «И. В. Сталин на фоне демонстрации», «И. В. Сталин на трибуне», блестящая галлерея портретов товарищей К. Е. Ворошилова, С. М. Кирова, В. В. Куйбышева, М. В. Фрунзе, А. А. Жданова, А. М. Горького, с которым связывала художника крепкая дружба, «Расстрел 26 бакинских комиссаров», «Съезд незаможных крестьян» — все эти работы И. Бродского огромный вклад в советское изобразительное искусство.

ЗАМЕТКИ РЕЖИССЕРА

Десятки тысяч москвичей посетили спектакли декады театральной самодеятельности, проходившей в столице. Залы Центрального детского театра, Дома работников искусств и крупнейших дворцов культуры были неизменно переполнены. Постановки сопровождались большим успехом...

Из девятнадцати спектаклей самодеятельных театральных коллективов, показанных во время декады, девять были награждены грамотами ВЦСПС.

Ниже мы помещаем беседу председателя жюри смотра народного артиста СССР А. Попова с корреспондентом «Огонька».

Фото Е. Явно.

«Ирадэ» («Воля») С. Ахундова и М. Муштага в исполнении азербайджанского театрального коллектива Дворца культуры имени Ленина (Баку). В роли Мубариза — А. Оруджали, Эльваны — Н. Мастапова.

Всесоюзный смотр театральной самодеятельности показал огромный культурный и творческий рост его участников. Подкупающая искренность, свежесть, жизненность образов — вот что отличало лучших исполнителей в спектаклях.

Смотр показал также, какую огромную роль в воспитании этих людей играют руководители кружков. Для режиссера клубного театра, кроме профессионального умения, необходима идейная вооруженность, одухотворенность учением Ленина — Сталина, создающая здоровую творческую атмосферу.

Задача руководителя клубного театра состоит в том, чтобы воспитать в исполнителе лучшие черты героя нашего времени — волю и мужество в борьбе за свои идеалы, искренность и простоту, чувство коллективизма.

В спектаклях декады играли одаренные люди, пламенно, бескорыстно и вдохновенно отдающие себя искусству, — это, пожалуй, самое большое и радостное, что мы видели в эти дни.

Другой положительной особенностью смотра является выбор репертуара. На клубной сцене были осуществлены пьесы, вошедшие в золотой фонд советской драматургии и почему-то сошедшие со сцен профессиональных театров, — «Егор Булычев», «Любовь Яровая», «Слава». С другой стороны, в репертуаре самодеятельного театра были пьесы на производственные темы, возникшие в совместной работе автора с исполнителями. Можно назвать пьесы «Там, где не было затемнения» В. Семенова, «Ирадэ» С. Ахундова и М. Муштага, «Девочки» В. Пановой и другие.

Контакт с участниками самодеятельности помогает драматургу правильно раскрыть жизнь, убегает его от выдумывания несуществующих в жизни ситуаций, тогда как театр иной раз тянет на это автора в угоду сценическому эффекту. Самодеятельный актер более, нежели артист-профессионал, имеет возможность проверить на окружающих его людях и обстановке правдивость художественного образа, сценического положения, предложенного автором.

У нас в стране насчитывается 30 тысяч драматических кружков, объединяющих 400 тысяч любителей театра. Анализ удач и недостатков показанных в Москве спектаклей следует сделать достоянием самых отдаленных кружков, чтоб опыт лучших послужил дальнейшему расцвету театральной самодеятельности.

«Девочки» В. Пановой в исполнении театрального коллектива Дворца культуры ВЦСПС имени С. М. Кирова (Ленинград). В роли Томки — студентка Б. Тронова, Инны — фармацевт К. Красильникова, Андрея — монтер А. Дашкевич, Лутохина — повар М. Мудров.

«Маяк на острове» В. Лациса в исполнении драматического коллектива Смилтенской больницы (Латвийская ССР). Справа налево: в роли Яниса Смилга — врач А. Янавс, Квините — санинспектор Я. Розе, Бениты — домашняя хозяйка Э. Янавс.

«Там, где не было затемнения» В. Семенова в исполнении драматического коллектива Дворца культуры рабочих черной металлургии Восточных районов (гор. Серов). В роли Хлопотова — электрик Г. Бондаренко, Натальи Гурьяновны — диктор Е. Десяткова.

Две премьеры

«ПРОДАННОЙ НЕВЕСТЫ»

«Проданная невеста» в Оперной студии при Московской консерватории имени Чайковского. Солисты студии: Г. Попова — Маженка, А. Охримович — Вашек.

Фото Р. Диамента

Сцена подписания договора в опере «Проданная невеста» в исполнении солистов Оперной студии. Сват Кецал [в центре] — В. Тютюнник, Еник [подписывает договор] — А. Серов.

Бродячий цирк. Сцена из III акта «Проданной невесты». Индеец — А. Мордовин, Вашек [медведь] — А. Охримович, Эсмеральда — З. Генелевич.

Филиал Государственного академического Большого театра СССР и Оперная студия при Московской консерватории имени Чайковского показали к тридцатилетию Чехословацкой республики премьеру оперы Б. Сметаны «Проданная невеста».

Произведение знаменитого чешского композитора повествует о любви крестьянской девушки Маженки и батрака Еника, преодолевающих все препятствия, возникающие на пути к их счастью.

Музыка «Проданной невесты» — жемчужина в венце славянских опер — носит ярко народный характер. Написанная в жанре комической оперы, «Проданная невеста» подкупает своей жизнерадостностью и искренностью. Ее музыкальные образы вызывают у слушателя глубокие, волнующие чувства.

Мягкий, лирический юмор, являющийся основным средством обрисовки положений и характеров в опере, не ослабляет ее идейной, жизненной и художественной ценности. Он идет от светлого миросозерцания, он как бы говорит: не отчаивайтесь, будьте настойчивы и веселы при любых испытаниях, и тогда вы неодолимы! В этом одна из типичных черт характера чешского народа: его веселый, оптимистический нрав, уменье видеть даже мрачные стороны жизни сквозь улыбку уверенности, что «Правда витезит!» [1].

«Проданная невеста» за 82 года, прошедших с момента ее написания, неоднократно ставилась на русской сцене, но многое ценное в ее содержании не было раскрыто из-за неудачных переводов либретто. Поэт С. Михалков, сохранив в новом переводе своеобразие и колорит чешского подлинника, создал сочный, выразительный текст, близкий по характеру к музыкальному языку оперы.

В филиале Большого театра в опере поют прославленные мастера сцены, в студии — вступающая в жизнь молодежь. Масштабы и возможности Большого театра и Оперной студии различны. Но несмотря на это, оба спектакля — прекрасный творческий подарок советским зрителям.

Партию Маженки на премьере в ГАБТ исполняла Л. Масленникова, прекрасно раскрывшая чувства и мысли юной крестьянской девушки, борющейся за свое счастье. В студии Маженку поет Г. Попова. Обе артистки обладают отличными голосами и хорошо справились с вокальными трудностями партии.

Замечательно поет Еника народный артист РСФСР лауреат Сталинской премии Г. Нэлепп. Неплох в этой же роли молодой студиец А. Серов.

Роль Кецала нашла отменного исполнителя в лице заслуженного артиста республики лауреата Сталинской премии Н. Щеголькова. Его деревенский сват корыстен, хитер, бессовестен, и когда он оказывается в конце концов одураченным, то зрители встречают провал его подлых планов шумными аплодисментами. Щегольков достигает большого успеха не только хорошей актерской игрой, но и отличным, выразительным пением. Обладатель хорошего голоса, В. Тютюнник, исполняющий роль Кецала в студии, показывает этот сатирический образ в манере, не всегда оправданной внутренним содержанием партии.

Вашек — неудачный жених Маженки — в исполнении А. Охримовича впечатляет в студии больше, чем А. Орфенов в филиале ГАБТ, хотя и у последнего образ глуповатого увальня обрисован очень хорошо.

Режиссерская работа в обоих спектаклях на очень высоком уровне. Заслуженный артист БССР лауреат Сталинской премии Б. Покровский разрешил ряд сцен в филиале ГАБТ с большим вкусом и изобретательностью.

В студии заслуженный деятель искусств Туркменской ССР Т. Шарашидзе нашел другие средства и мизансцены — динамичные, а временами смелые. Но для выполнения его замыслов у хора и балета порою нехватает техники.

Блистательно решена сцена бродячего цирка балетмейстером ГАБТ заслуженным артистом РСФСР лауреатом Сталинской премии В. Вайноненом.

Оформление спектаклей (в филиале оно принадлежит М. Петровскому, использовавшему эскизы покойного художника В. Дмитриева, а в студии — заслуженному деятелю искусств Туркменской ССР А. Лушину) сделано в хорошей реалистической манере. Прекрасно передан колорит чешского пейзажа.

Стодвадцатипятилетие со дня рождения Б. Сметаны, исполняющееся через несколько месяцев, два столичных оперных театра встречают удачным воплощением его вдохновенной партитуры.

Б. ПИЛАХОВ

[1] «Правда победит!».

ОПЕРА «ПРОДАННАЯ НЕВЕСТА» В ФИЛИАЛЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО БОЛЬШОГО ТЕАТРА СССР.

Фото М. Сахарова

Маженка — Л. Масленникова.

Бродячий цирк. Сцена из III акта.

Еник — Г. Нэлепп.

Сцена в трактире. У стола — сват Кецал — заслуженный артист РСФСР Н. Щегольков, Еник — народный артист РСФСР Г. Нэлепп.

АСТРАХАНСКАЯ КАРТИННАЯ ГАЛЛЕРЕЯ

К. Юон «Троице-Сергиева лавра. Западный вид». 1921 год.

В небольших картинных галлереях есть своя прелесть. Здесь посетителю легче сосредоточиться на каждой вещи. Известные с детства, по хрестоматиям и букварям, знаменитые полотна не заставляют пропускать менее знакомые, но не менее чудесные картины.

Таково небольшое и вместе с тем интересное собрание произведений русского изобразительного искусства в Астраханской областной картинной галлерее.

Выставочные залы галлереи занимают два этажа. Осмотр начинается с верхнего, где собраны произведения русских художников с конца XVIII века и до Октябрьской революции.

Портреты Ф. Рокотова, В. Боровиковского и ряда других мастеров лишний раз свидетельствуют, что в XVIII веке русская портретная живопись была в ряду лучших в мировом искусстве.

Поражает «Голова девушки-крестьянки» А. Венецианова. Крепкой, уверенной рукой как бы вылеплено суровое лицо с горящими глазами. Сколько в нем внутренней силы! В этом портрете художник создал образ крепостной женщины, не робко покорной рабству, а остро ненавидящей его.

В залах второго этажа выставлены произведения И. Репина, И. Шишкина, один из вариантов картины «Грачи прилетели» А. Саврасова, портреты работы Н. Ярошенко, К. Маковского, В. Перова, произведения В. Серова, М. Нестерова, К. Коровина.

Расширяют наше представление о мастерах-передвижниках картина «Кумушки» И. Творожникова, два портрета Н. Неврева и, наконец, полный динамической выразительности пейзаж Н. Дубовского «Прошел ураган».

Посетители галлереи знакомятся и с работами живописца Павла Алексеевича Власова. В Астрахани имя этого художника пользуется большим уважением. «Астраханским Чистяковым» прозвали Власова, воспитавшего немало живописцев, ныне широко известных. Среди них удивительный знаток купеческого быта Б. Кустодиев, Н. Горюшкин-Сорокопудов, лауреат Сталинской премии П. Котов. Работы власовских учеников представлены в галлерее довольно широко.

Внимание посетителей привлекает «левитановский уголок». В нем много этюдов, прекрасная вещь «В парке» и, наконец, малоизвестная картина «Лилии. Ненюфары»: в густой, пронизанной водорослями воде покачиваются грациозные цветы, распластались влажные листья.

Залы первого этажа посвящены произведениям советских живописцев. Здесь удачное полотно П. Котова на индустриальную тему — «Красное Сормово»,— пейзажи А. Герасимова, зимний пейзаж К. Юона, созданный им в Троице-Сергиевской лавре.

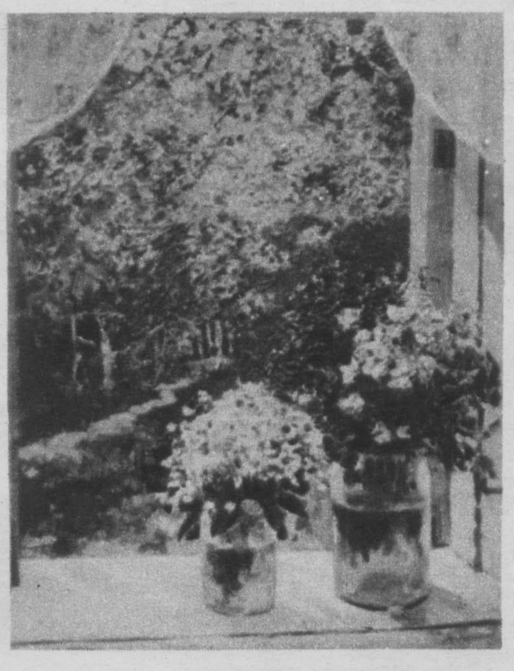
В ноябре нынешнего года исполняется тридцать лет существования Астраханской галлереи. Основанная в 1918 году из дара местного коллекционера П. М. Догадина, галлерея разрослась в художественный музей союзного значения. Когда в Москве устраивается персональная выставка какого-либо старого мастера, картины из Астрахани обязательно отправляются в столицу. К сожалению, значительно меньше вспоминают об этой галлерее, когда в Москве устраивается выставка советского мастера. Объясняется это тем, что за исключением работ А. Герасимова, П. Котова и, может быть, еще нескольких художников в Астраханском музее мало хороших произведений советского изобразительного искусства.

Это вина работников Комитета по делам искусств при Совете министров РСФСР, слабо заботящихся об улучшении экспозиций советского отдела Астраханской галлереи.

Э. БРАГИНСКИЙ

И. Шишкин «Полдень». 1886 год.

А. Герасимов «Окно». 1914 год.

П. Котов «Красное Сормово». 1939 год.

Торжество коллектива

Вс. ДАЙРЕДЖИЕВ,
мастер спорта

В составе советской спортивной делегации, посетившей в октябре Польшу, была сборная команда СССР по баскетболу.
Как известно, советские баскетболисты являются чемпионами Европы. Встретившись с лучшими европейскими командами, баскетболисты СССР продемонстрировали высокую технику и тот коллективный стиль игры, который за рубежом называют советским стилем.
В Польше сборная команда баскетболистов СССР встретилась с сильнейшими командами Польши и Чехословакии и выиграла все матчи.
Мы печатаем очерк о баскетболистах московского «Динамо», одной из лучших команд страны, завоевавшей первенство СССР 1948 года.

Фото А. Бурдукова

Среди зрителей, наблюдавших игру на первенство СССР двух тбилисских баскетбольных команд — «Динамо» и Дома офицеров,—были Степан Суренович Спандарьян, тренер баскетболистов московского «Динамо», и Анатолий Конев, центр нападения этой команды.

Они изучали игру своих главных конкурентов.

— «Динамо» опасней, Степан Суренович, — не отрывая глаз от площадки, сказал Конев.

Спандарьян кивнул головой:

— Динамовцы в лучшей форме, это безусловно.

Зрители восторгались игрой Отара Коркия, вместе с которым Конев завоевывал первенство Европы. Тогда, в Праге, они были соратниками, теперь Коневу предстояла трудная борьба с этим голубоглазым исполином.

— Смотрите, Степан Суренович, как Отар дирижирует, — сказал Конев.

Коркия действительно направлял игру команды, и внимание всех игроков было приковано к нему.

— Это хорошо,— тихо, будто себе самому, сказал Спандарьян.— Ты, Толя, не беспокой его, пусть себе дирижирует, а то вспылит, разозлится, начнет играть сам, а это куда опасней.

Обе команды, тбилисское и московское «Динамо», шли без поражений. Жеребьевка свела их в одну группу, и кто-то из них должен был выбыть из борьбы за первое место еще до финала. Вот почему москвичи перед игрой так волновались.

Но матч сложился точно по замыслу Спандарьяна. К финальному звонку электрочасов счет был 48 : 26 в пользу московских динамовцев. Затем москвичи выиграли еще один матч, и вот им осталась только финальная, решающая игра.

Но с кем предстоит борьба за первое место? Ждали победы прошлогодних чемпионов страны — литовских баскетболистов, игравших во второй группе. Однако эта первоклассная команда неожиданно проиграла студентам Тартуского университета, и в финал вышли баскетболисты «Строителя».

Литовские игроки — более серьезные противники, это ясно, и все же неожиданное изменение всех расчетов встревожило команду.

На утро перед матчем спокойствие Спандарьяна даже обидело Конева. Будто ничего и не предстояло им, а ведь в «Строителе» играли Тарасов и Моисеев, тоже участники первенства Европы, высококлассные баскетболисты. Но когда тренер заговорил о тактике предстоящей игры, Коневу передалась его уверенность. Спандарьян, сам в прошлом баскетболист, знал, как нервничали в эти дни игроки, и поэтому оставил решающий разговор напоследок.

— Мы не можем проиграть «Строителю»,— сказал Спандарьян.— Даже Тарасов, закрытый Коневым, нестрашен. А Власов по классу не уступает Моисееву. Главное же в том, что наша команда — сплоченный коллектив, в котором самые сильные игроки — только частица этого коллектива, а в «Строителе» вся игра будет строиться на Тарасове и Моисееве...

И вот, наконец, наступили минуты перед началом решающей игры. Глядя на своих тбилисских одноклубников, которые только что, обыграв каунасцев, заняли третье место, москвичи переживали чувства человека, идущего на экзамен при встрече с уже сдавшим его. Пусть тот получил посредственную отметку, но для него уже все позади, а ты вот сейчас лишь переступишь заветный порог, и неизвестно, что ждет тебя там.

На площадке перед западной трибуной стадиона «Динамо», заполненной зрителями, выстроились друг против друга десять игроков. Одни в синих рубашках с надписью через всю грудь «Строитель», другие в белых майках — динамовцы.

Да, в дружной и почти равноценной пятерке динамовцев все были разны. Колпаков, капитан команды, более десяти лет увлекался баскетболом. В прошлом слесарь завода «Серп и молот», он стал тренером, окончил Высшую тренерскую школу и теперь преподавал в Институте физкультуры. С Юрием Ушаковым, бывшим до войны студентом металлургического института и недавно демобилизовавшимся, их связывала старая дружба. Они создавали этот коллектив и не изменили ему. Вместе со Спандарьяном вырастили они целую группу молодых игроков. Власов — самый способный из этой молодежи.

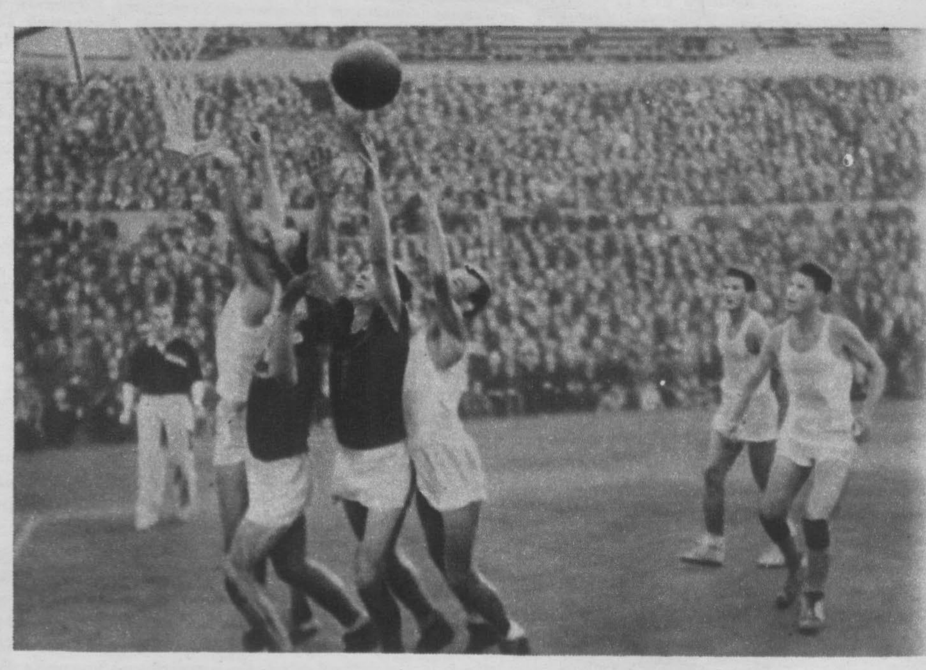
Один из лучших игроков команды, Анатолий Конев, удачно дополнял этот дружный ансамбль, в который входили также Григорий Байков, Юрий Озеров, Леонид Сергеев, Моисей Коган и Лев Сайчук.

...Есть в Тбилиси, у подножья Метехского замка, место, где Кура в весенний паводок и после сильных дождей, шумя и клубясь, вламывается в узкий проход между скалами и бурлит, как кипящий котел.

Когда смотришь баскетбольный матч, невольно вспоминается полноводная Кура. Десять прекрасно сложенных, ловких и быстрых спортсменов в бешеном темпе движутся по маленькой площадке длиной в двадцать шесть метров и шириной в тринадцать. Мяч, то взлетая высоко в воздухе, то проносясь у самой зем-

У щита «Динамо». Капитан команды «Строителя» Тарасов пытается передать мяч Преображенскому (№ 9), свободно стоящему под кольцом. Но В. Колпаков успевает перехватить в броске этот мяч и направить его своим. Взгляды всех остальных прикованы к мячу.

Момент у щита «Строителя». Байков неудачно атаковал кольцо, и мяч отскочил. Четверо противников пытаются завладеть им. Справа — Байков и Колпаков, готовые к атаке.

Конев (второй слева) на долю секунды упустил Тарасова, и мяч рикошетом от земли летит мимо него к щиту.

Чемпионы СССР 1948 года баскетболисты «Динамо» (Москва). Стоят слева направо: Борис Федотов, капитан команды Василий Колпаков (чемпион Европы), тренер команды Степан Спандарьян, Юрий Ушаков (чемпион Европы), Григорий Байков, Виктор Власов. Сидят слева направо: Моисей Коган, Юрий Озеров, Леонид Сергеев, Анатолий Конев (чемпион Европы) и Лев Сайчук.

ли, кружится, как поплавок, в этом бесконечном круговороте.

Вот в центре поля два игрока одновременно взметнулись вверх, и в следующее мгновение команда, овладевшая мячом, лавиной хлынула к щиту. И вдруг пауза. Игрок с мячом внезапно остановился, оценивая расстановку сил, но и сейчас, в этой кажущейся неподвижности, продолжалось скрытое пульсирующее движение. Баскетболисты стерегли друг друга, и задача их состояла в том, чтобы уйти от «своего» сторожа в момент нападения и не упустить его, ставшего сразу подопечным, в момент обороны. И так в течение двух таймов, сорока минут, молниеносные рывки сменялись этими напряженными паузами.

Вот Конев присел и, высоко подпрыгнув вверх, успел раньше Тарасова коснуться мяча. Он передал его Колпакову, а тот — быстро вышедшему к щиту Байкову. Но Байков уже закрыт. Кольцо недоступно. И тогда Конев вклинивается в защиту противника. Мяч у него! Сзади, расставив руки, сторожит каждое его движение Тарасов. Повернуться лицом к щиту? Опасно, можно потерять мяч. И Конев, делая вид, что хочет отдать мяч, неожиданно делает «крюк», и мяч с еле слышным шорохом проскальзывает сквозь сетку.

На щите динамовцев — первые два очка. Прошло всего 30 секунд игры.

— Молодец, Толя! — со вздохом облегчения вырывается у Колпакова.

Теперь мяч у «Строителя», и обе команды в одно мгновение, как вспугнутая стайка птиц, перелетают к противоположному щиту. Две минуты идет борьба. Но вот Конев, не упуская из виду Тарасова, замечает, что Власов перехватил мяч, и тогда со всех ног бросается он к щиту противника. Мяч, как снаряд, летит ему вдогонку. Новый «крюк», и снова попадание.

«Так и буду бить!» — думает Конев, не спуская глаз с Тарасова.

«Правильно, мальчики, в три—четыре касания и по кольцу!» — шепчет Спандарьян.

И, словно услышав этот призыв, Колпаков кладет мяч в кольцо, и счет увеличивается еще на два очка. Но в тот же момент Власов упустил Моисеева... Первый мяч в сетке динамовцев.

Моисеев мечется, как челнок в ткацком станке, но от него ни на шаг не отстает Власов. Козлова плотно закрыл Ушаков, а Тарасова, самого опасного и хитрого игрока, держит Конев. «Солисты» «Строителя» не в силах прорваться сквозь эту оборону, а остальные главным образом следят за тем, как бы не упустить своих подопечных. Динамовцы же нападают всей пятеркой. Власов и Ушаков — защитники, но и они активно атакуют. Творит игру весь коллектив. Этого-то и добивался Спандарьян, в этом-то и состоял стиль команды.

К перерыву счет был 21 : 14 в пользу «Динамо». Во время отдыха Спандарьян сказал:

— Не торопитесь с бросками штрафных. Встаньте, успокойтесь, вздохните поглубже и тогда бросайте... С первых же минут увеличивайте счет... Инициатива у вас, «мотайте» их и смелее по кольцу, не бойтесь потерять мяч.

Как по заказу тренера, в первые же минуты второго тайма Ушаков, Байков и Конев сделали три броска, а игроки «Строителя» смогли ответить только двумя. Конев сегодня в ударе. Несмотря на свой громадный рост, он поразительно подвижен. Его длинные руки преграждают дорогу почти всем мячам, и они как будто сами летят к нему.

Вот Конев закрыт с двух сторон. Это видит Власов и проносится к щиту, огибая игроков за спиной Конева. Неожиданно, не глядя, Конев бросает мяч через плечо в то место, где к этому моменту должен оказаться Власов. Еще мгновение, и мяч в кольце...

Счет — 31 : 21, а после броска Байкова — 33 : 21.

Разница в 12 очков! И в этот момент происходит перелом. Игроки «Строителя», словно сплоченные неудачей, все разом бросаются в атаку. И вот Моисеев уже сквитал 2 очка, а спустя минуту Козлов кладет еще один мяч.

Напряжение растет. Баскетболист «Строителя» Бахмутский броском издали отыгрывает новых 2 очка, за ним Тарасов — подряд 4. Теперь только 2 очка отделяют команды.

Но в тот момент, когда невероятное стало возможным, когда игроки «Строителя» поняли, что они могут выиграть, они снова возложили все свои надежды на двух сильнейших. Команда, которая только что так блестяще и дружно нападала, теперь бесцельно теряла драгоценные секунды. Игроки отдавали мячи Тарасову и Моисееву, не решаясь бить по кольцу.

За первой последовала вторая ошибка. Тарасов взял минутный перерыв. (Всего 40 минут продолжается баскетбольный матч, но так велика нагрузка, так изнурительно это чередование стремительных рывков и тактических пауз, что, по правилам игры, каждая команда имеет право на три минутных перерыва).

Динамовцам это только и было нужно. Они передохнули, собрались с мыслями, а их противники окончательно потеряли темп и уверенность. Вот трижды бросают игроки «Строителя» мяч по кольцу, и каждый раз мимо, и каждый раз, когда, отлетая обратно, он снова попадает то к Тарасову, то к Моисееву, трибуны разом выдыхают:

— Га-а-ах, га-а-а-ах!..

Но вот опять мяч у Моисеева... Сейчас бросит...

«Ну, теперь ничья», — подумал Конев.

Спандарьян окаменел и, казалось, сросся со скамейкой.

Бросок. Мяч, как мышь, пробежал по всему кольцу... и свалился наружу.

Опять зашумели трибуны. Теперь мяч у Ушакова. И тут же Колпаков дал знак судье.

Диктор объявил: «Перерыв, берут динамовцы...»

До конца оставалось всего 50 секунд, когда мяч был снова введен в игру, а в следующие 15 секунд произошло вот что: Ушаков передал мяч Власову. Потерявший самообладание игрок «Строителя» Преображенский, стремясь во что бы то ни стало остановить это неудержимое движение мяча к кольцу, умышленно схватил Ушакова. Преображенский смотрит на судью, ожидая свистка, требуя себе наказания. Но судья, разгадав маневр баскетболиста, не дал штрафа. А Власов тем временем стремительно метнул мяч туда, вперед, где у кольца «Строителя» стояли Конев, стерегущий его Тарасов и Колпаков. И тут Тарасов окончательно потерял голову. Оставив Конева без присмотра, он кинулся к Колпакову. В то же мгновение Конев взмахнул рукой, и свисток судьи известил об успешности атаки, о победе, о торжестве коллектива.

СПОРТИВНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Спортсмены из колхозов. Стрельба по «движущемуся оленю»

Еще совсем недавно Полина Гостинцева была известна как знатный конюх Городецкого района, Горьковской области. Сейчас она одна из лучших колхозных лыжниц и легкоатлетов страны.

В Ставрополе было проведено колхозное первенство Российской Федерации по легкой атлетике. Победительница бега на 800 метров Гостинцева закончила дистанцию в 2 минуты 29,5 секунды. Только полторы секунды отделяют молодую спортсменку от нормы второго разряда. Прекрасный результат!

В беге на 100 метров В. Тюрин — работник Томилинского птицесовхоза (Московская область) — показал 11,8 секунды, что является результатом второго разряда, а земляк П. Гостинцевой, монтер из колхоза имени Тимирязева А. Сахаров, пробежал 100 метров за 11,6 секунды.

Эти результаты свидетельствуют о развитии спорта в деревне, о том, что среди колхозной молодежи уже выросли отличные спортсмены.

Сейчас в деревне увлекаются такими сложными видами легкой атлетики, как метание диска, толкание ядра, тройной прыжок.

Среди колхозников есть спортсмены, занимающиеся штангой, борьбой и боксом. На спартакиаде Киргизской республики первое место в полусреднем весе занял боксер-колхозник Киречков. Это первый случай, когда чемпионом республики по боксу стал колхозник.

Колхозные соревнования этого года привлекли большое количество участников. В Белоруссии, например, в соревнованиях по легкой атлетике в нынешнем сезоне принимали участие 23 тысячи человек.

Труженики социалистических полей с успехом овладевают спортивным мастерством, и то обстоятельство, что флаг открытия соревнований сельских спортсменов РСФСР поднимали два Героя Социалистического Труда весьма символично.

* * *

Приходилось ли вам слышать о стэндовой стрельбе?

Вы идете по болоту, зорко озираясь вокруг. Вдруг из-за куста взвилась стая уток. Вы вскидываете ружье. Выстрел, другой — и ваша собака приносит вам добычу. Так бывает на охоте. На имитации охоты построена и стэндовая стрельба. Несложное устройство выбрасывает в воздух одну или две глиняных тарелочки. Задача стрелка — поразить их.

Типы стрелковых упражнений весьма разнообразны. Здесь стрельба с места и с подхода, по одной мишени и по паре (дублетная стрельба). А в последнем первенстве страны по стэндовой стрельбе были введены впервые стрельбы на круглом стэнде и стрельба пулей по «движущемуся оленю».

В этом новом виде стрельбы победа при розыгрыше первенства страны досталась опытному охотнику на диких кабанов Чадину, набравшему 37 очков из 50 возможных.

Как вы думаете: сколько парных мишеней может поразить хороший стрелок? Имейте в виду при этом, что стрелок не знает направления полета мишеней. Машинка может их выбросить в самых разнообразных направлениях.

На первенстве страны, которое проводилось в Москве, в охотничье - стрелковом тире ВЦСПС, представитель команды Всеармейского военно-охотничьего общества Н. Ястребов поразил 21 мишень из 25 возможных и стал чемпионом страны в этом виде стрельбы.

А. ВИТ

«Первый российский солдат»

30 ноября этого года исполняется годовщина интересного исторического события. В этот день, ровно 265 лет тому назад, на службу Петра Первого был принят «первый российский солдат» Сергей Леонтьевич Бухвостов.

Об этом событии повествует пожелтевшее за сто двадцать с лишним лет издание — «Собрание портретов россиян, знаменитых по своим деяниям, воинским и гражданским, по учености, сочинениям, дарованиям, или коих имена почему другому сделались известными свету, в хронологическом порядке по годам кончины, с приложением их кратких жизнеописаний».

...Как известно, Петр Первый с детства проявлял большой интерес к военному делу. Обыкновенно к московским царевичам собирали «робяток» — сверстников для забав. Такие «робятки» окружали и Петра, но его «потехи» со сверстниками имели исключительно военный характер.

Одиннадцатилетний Петр кликнул «клич к охочим людям», собирая «потешную» Преображенскую роту (названную по имени села, в котором он жил). Первым на этот призыв откликнулся С. Л. Бухвостов. 30 ноября 1683 года он, «побуждаемый собственною своею охотою, предстал пред государя первый с прозьбою, чтоб быть помещенным в сию роту».

В это время Бухвостову был 41 год. «Он был росту среднего, силен, тверд, скромен и весьма воздержан»,— так рисует его биограф. Как он жил и чем занимался до 1683 года,— неизвестно.

Петр Первый, «зная, что почти все старались избегнуть определения в военную службу, был весьма доволен сим знаком его усердия и, дабы оказать ему за сие какое-либо отличие, почтил его званием **Первого Российского Солдата**».

С тех пор вся жизнь Бухвостова была связана с российской армией. В 1694 году, когда была учреждена лейбгвардия, он первым вступил в бомбардирскую роту, которой командовал Петр в чине капитана. Переходя все ступени военной службы, Бухвостов дослужился до чина подпоручика. Участвуя в различных сражениях, он был много раз ранен и показывал пример храбрости и отваги. В 1715 году Бухвостов был произведен в майоры артиллерии.

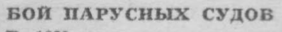
Биограф сообщает об исключительной скромности этого русского патриота, который, «не будучи заражен излишним честолюбием, всячески отклонял от себя награды».

Для увековечивания образа первого российского солдата Петр Первый предложил находившемуся в Санкт-Петербурге скульптору Растрелли отлить из бронзы бюст С. Л. Бухвостова в натуральную величину.

Интересно отметить, что образ Бухвостова уже в наше время запечатлел на страницах романа «Петр Первый» писатель Алексей Толстой.

Сергей Леонтьевич Бухвостов скончался 30 ноября 1728 года, прослужив в российской армии до конца своей жизни, то есть ровно 45 лет.

М. ХАЗАНОВ

БОЙ ПАРУСНЫХ СУДОВ

В 1853 году наш парусный военный флот под командованием знаменитого русского адмирала Нахимова одержал под Синопом блестящую победу. Это был последний в мировой истории бой парусных эскадр.

ВЫДАЮЩИЙСЯ РЕКОРД

В 1911 году пловец англичанин Ромас Бургес за 22 часа 35 минут переплыл канал Ламанш.

Прошел год, и рекорд англичанина перекрыл с лихвой русский пловец Р. А. Романченко — преподаватель бакинской гимназии. Он проплыл за 24 часа 10 минут 45 верст, значительно большее пространство, чем Бургес.

СТАРЕЙШИЙ МУЗЕЙ

Самым старым в России музеем является Музей антропологии и этнографии Академии наук Союза ССР. Он находится в Ленинграде, на Васильевском острове, на набережной Невы, и насчитывает 223 года существования.

Предком этого музея является знаменитая кунсткамера петровских времен, здание для которой было построено в 1722 году.

Количество экспонатов Музея антропологии и этнографии превышает 400 тысяч.

ДОМЕННАЯ ПЕЧЬ XVIII ВЕКА

В 1776 году на Александровском заводе, в Петрозаводске, была построена доменная печь, которая по тому времени была самой мощной в мире. Она давала в сутки до 25 тонн чугуна, вдвое больше лучших английских домен того времени.

В. В.

НА ОХОТУ — Фотоэтюд М. Ананьина

На зайца с гончими

Бело вокруг. Чист и пышен первый снежок, ровным слоем покрывший землю. В бесконечную даль уходят две «нитки». Это колхозные дровни уже успели проложить зимний путь. Под ногами мягко похрустывает.

Пороша...

С каким нетерпением ее ждали любители поохотиться с гончими!

Вот ровная поляна, будто огромнейший стол, покрытый чистейшей скатертью. А давно ли здесь изумрудом отливала зелень?

Охотники не ошиблись: так и есть, следы. Два овальных отпечатка рядышком и два меньших следа расположены один за другим. Следы некрупные, спереди слегка заостренные. Конечно, русак!

Сильно напетлял за долгую ночь. На снегу лунка, как миска. На дне зелень. Заяц сидел возле нее и «закусывал». Только неаккуратно — везде зеленые листочки разбросаны.

И трудно понять, сколько их здесь пировало: один, два или несколько. Замысловата заячья стежка. Тут и петли, и вздвойки, и сметки. Попробуй разобраться в этой премудрости.

Но два верных пса уже приступили к работе. Они терпеливо и старательно «читают» сложный звериный почерк.

И вдруг тишину разрывает звонкое:

— Тяв!.. Тяв!..

Его подхватывает второй, на более низких нотах, и чудеснейшая музыка полилась в снежных просторах.

Гон начался.

Очарованные музыкой, охотники забывают про ружья. Они стоят неподвижно и чутко прислушиваются.

А звуки все дальше и дальше, они уже еле слышны. Но охотники знают: заяц непременно должен появиться там, откуда он был поднят.

Каждый облюбовывает для себя место. Известно: русак не то, что беляк, не любит ходить кустами, а предпочитает чистые, открытые места.

И опять доносятся звуки гона. Они все нарастают и нарастают. Но вдруг лай неожиданно обрывается. Произошла какая-то заминка. На охотничьем языке — это «перемолчка». Пауза продолжалась недолго: минуту—две. А сколько неприятных предположений вызвала она! И первым долгом:

«Не перехитрил ли собак? Не произошел ли «скол»?».

И вот заяц на чистом месте, он будто не бежит, а летит. Сероватый комочек как нельзя лучше вырисовывается на белом фоне. Собаки не успевают, но держат «вязко».

Заяц пошел во второй круг. Такова его заячья тактика.

Вдалеке показалась точка. Она все больше и больше. Ружье наизготове.

Прижав к спине длинные уши, крупный русак мигом прошмыгнул у самых ног охотника. Но угонный выстрел остановил бег. Заяц перекувыркнулся и замер в неподвижности.

— Дошел! Дошел!.. — доносится голос.

Товарищи срываются с мест и спешат поздравить счастливца с «полем». Тяжело дыша, подваливают и собаки. Они весело визжат и лукаво поглядывают то на охотников, то на зверя.

Охотники не забывают установившихся правил: пазанки принадлежат гончим. Ножом отрезают задние лапы и раздают их собакам.

До вечера еще далеко. День пасмурный, тихий... Послушные псы снова охотно идут в полаз. Не проходит и получаса, как раздается та же музыка. На этот раз она доносится со стороны леса. Значит, белячок — это его повадка. Он все норовит поглубже в лес.

Однажды только промелькнула на просеке его рыжеватая шубка. Еще не совсем успел переодеться в свой белоснежный зимний наряд.

Прогрохотал выстрел, но гон не прекратился.

Хитер беляк. Идет по самым крепким местам. Всячески старается провести собак: то «западет», то сделает виртуозную сметку, то заставит собак идти в «пяту».

Долго продолжается борьба. Неутомим зверек, но и собаки действуют дружно и слаженно. А день уже незаметно клонится к вечеру, сгущаются тени.

Дело ясное: нет никакого смысла больше гонять. Без всякого обсуждения охотники принимают решение — отозвать собак.

— Ту-ту-ту-у-у... — торжественно и повелительно трубит рог.

Голоса собак замолкают.

Проходит несколько минут — и тихой, виляющей походкой из кустов одна за другой выходят собаки. Видать, они честно потрудились. Умными глазами виновато смотрят на охотников и как бы оправдываются:

— Ничего... В следующий раз мы не позволим ему, хитрецу, так провести нас.

С. МИНАЕВ

УТРАЧЕННАЯ И ОБРЕТЕННАЯ ЭНЕРГИЯ...

Рисунки Н. Лиса.

Как связать детский костюм

На детский костюм для ребенка 3—5 лет уходит 400—500 граммов шерстяной пряжи. Костюм на рисунке — синего цвета с цветной отделкой: серого и красного цвета. Состоит он из трех вещей: рейтузов, кофточки и берета.

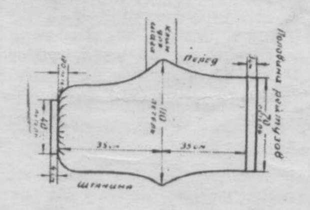
РЕЙТУЗЫ

Рейтузы вяжутся в две части. Начинать вязку надо снизу, резинкой на 40—50 петель (2 правых и 2 левых) высотой в 4 сантиметра, после чего увеличьте количество петель до 120, чтобы получилась широкая штанина с напуском.

При увеличении количества петель после каждой основной петли делайте одну добавочную, которую нужно затянуть потуже, чтобы в вязаной ткани не было отверстия. Проделайте это в двух рядах. После этого на протяжении 30 — 35 сантиметров вяжите штанину прямо, без изменения, односторонней чулочной вязкой.

Когда штанина будет связана, восемь следующих рядов вяжите с прибавлением в каждом ряду с обоих краев по одной петле, а затем в следующих 8 рядах снимайте в том же порядке по одной петле. Получится клинышек, который нужен для свободного движения ног. Затем 5 сантиметров вяжите без изменения.

С 6-го сантиметра необходимо убавлять петли в таком порядке: в той части, которая пойдет как перед, надо через каждые 8 рядов снимать по одной петле, а в той части, которая пойдет к спинке, снимать по одной петле через каждые 12 рядов.

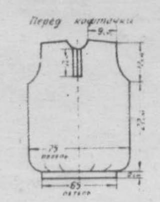
Высота от середины клинышка до талии должна равняться 35—40 сантиметрам. Вся вещь заканчивается резинкой в 70 петель, для получения которых лишние петли снимаются соединением двух петель в одну петлю.

Когда обе половинки рейтузов готовы, сшейте штанины а затем соедините перед к передку, спинку к спинке и сшейте шерстяными нитками через верх. Шов пройдет от талии спереди к талии спинки.

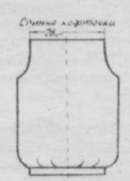
КОФТОЧКА

Кофточка вяжется в четыре части.

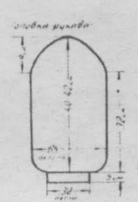
Передок. Завяжите резинку в 65 петель на 2 сантиметра высотой, затем наберите 10 добавочных петель и до проймы вяжите 25—27 сантиметров без изменения. Для получения проймы снимите сначала с края четыре петли через ряд, затем три петли через ряд и далее две и одну в том же порядке, т. е. через ряд. В дальнейшем пройму вяжите без изменения до плеча 12 сантиметров. Чтобы получилось чуть скошенное плечо, снимайте через каждый ряд по 6 петель.

Для образования планочки для застежки и ворота, одновременно с началом вязки проймы, на высоте 2 сантиметров снизу от начала проймы, разделите передок на две равные части. Одну часть не вяжите, переведите все петли на английскую булавку, застегните булавку и вяжите другую половину. В самом начале вязания половинки передка наберите лишних шесть петель для застежки высотою в 7 сантиметров. Чтобы получился ворот, надо снимать с 8-го сантиметра все шесть петель планки, а затем два раза по три петли, потом две и одну петлю — через ряд. Петли затем закрепите. Вторая половинка кофточки вяжется так же.

Спинка вяжется до плеч так же, как и передок. Плечи и ворот снимаются сразу со спиц по одной ровной линии. Воротник набирается по вороту, когда кофта сшита совсем. На воротник нужно, чтобы было 70—72 петли. Три ряда свяжите без изменения чулочной вязкой. С четвертого ряда убавляйте по одной петле с краев через ряд. Ширина воротника — 12 сантиметров.

Рукава удобно вязать одновременно оба с двух клубков. Начинайте с резинки в 32 петли высотой в 4—5 сантиметров. Затем это количество петель удвойте, чтобы рукава получились широкие с напуском. До головки вяжите без изменения 32 сантиметра. Затем для образования головки рукава снимайте через ряд по 1 петле на 5 сантиметров вверх, потом через ряд по две петли на 3 сантиметра. Оставшиеся 4—5 петель закрепите и снимите со спиц.

Рукав пришивается к кофточке швом к шву.

БЕРЕТ

Берет вяжется на четырех спицах, как чулок. Завяжите по 25 петель на спицу и провязывайте резинку на 2 сантиметра высотой. После резинки в каждом ряду прибавляйте по 10 петель, распределяя их равномерно по всему кругу на высоту в 8 сантиметров. С 9-го сантиметра, в том же порядке и количестве спускайте петли пока отверстие не сомкнется. На этом месте пришейте помпон.

Помпон. На двух картонных кружочках диаметром в 4 сантиметра, сложенных вместе и имеющих сквозные отверстия диаметром в 1 сантиметр, наматывайте шерстяные нитки, продевая их толстой иголкой через отверстие и вокруг картонок. Когда толщина кружков увеличится раз в 5—6, маленькими острыми ножницами разрезайте нитки по линии окружности. Один кружок с нитками отстанет от другого кружочка. Тогда ниткой перехватите центр, туго свяжите, картонки снимите, рукам соедините обе половинки ниточных кружков. Получается помпон.

С. Г.

СТОЛЕТИЕ ПОЧТОВОГО ЯЩИКА

В 1848 году на улицах Москвы и Петербурга появились первые почтовые ящики для писем. Вместо марок знаком почтовой оплаты тогда служил «штемпельный куверт» — конверт установленного образца со штемпелем.

Конверты были трех видов: с черным штемпелем — для писем, весивших один лот, с синим — для двухлотных и красным — для трехлотных.

В Центральном музее связи имени А. С. Попова в Ленинграде хранится единственный экземпляр первого уличного почтового ящика. Его высота — 58, ширина — 34, глубина — 32 сантиметра. Он сделан из дюймовых досок, обшит снаружи тонким листовым железом и окрашен в зеленый цвет. На переднем скате, защищенном козырьком, изображен почтовый конверт с красной сургучной печатью. Этот рисунок сохранялся на всех почтовых ящиках вплоть до первых лет советской власти. После введения в нашей стране всеобщего обучения рисунок сменила надпись «Почтовый ящик».

В музее находится также один из первых почтовых ящиков, который был установлен на московском вокзале железной дороги Петербург—Москва. Он имеет на передней стенке надпись «На С.-Петербург. В этот ящик опускаются только простые письма в штемпельных кувертах».

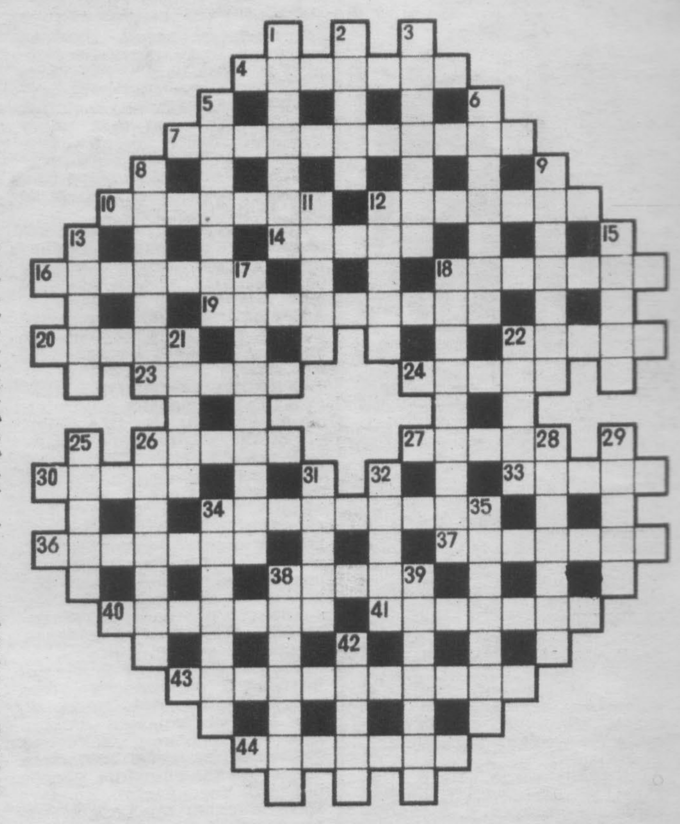
Первые почтовые ящики легко было открыть простым перочинным ножиком. Поэтому публика относилась к ним с недоверием. Только после введения в 1857 году почтовых марок ящики стали делать двойными. Внутрь наружного ящика ставили второй, куда и падали опускаемые письма. Впоследствии внутренние ящики были заменены кожаными сумками. В 1859 году ящики стали отливать из чугуна. Они весили до двух с половиной пудов.

В ноябре в операционном зале Главного почтамта в Ленинграде открывается выставка старинных почтовых ящиков, хранящихся в Музее связи.

А. М.

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» К. Поляков (Москва).

По горизонтали:

4. Торговое помещение. 7. Музыкальное вступление. 10. Персонаж пьесы Островского. 12. Театральное амплуа. 14. Дикое животное. 16. Перешеек в Крыму. 18. Мужское имя. 19. Птица. 20. Хлопчатобумажная ткань. 22. Французский драматург. 23. Род саней. 24. Скромное приношение. 26. Французский философ. 27. Береговая излучина. 30. Сельскохозяйственная машина. 33. Значок. 34. Общенародное голосование. 36. Имя Сервантеса. 37. Мужское имя. 38. Воинское подразделение. 40. Музыкальное произведение. 41. Знак различия на головном уборе. 43. Художественное украшение. 44. Собрание высокопоставленных сановников.

По вертикали:

1. Преданный родине. 2. Шайка. 3. Американский писатель. 5. Персонаж произведения Тургенева. 6. Типографская машина. 8. Персонаж произведения Л. Толстого. 9. Примечание. 11. Танец. 12. Китайский извозчик. 13. Глава факультета. 15. Ограничение. 17. Музыкальное произведение. 18. Русский художник. 21. Точка, противоположная зениту. 22. Птица. 25. Регулярные войска. 26. Выборный представитель. 28. Крытая терраса. 29. Орудие труда. 31. Бремя. 32. Начало реки. 34. Благородный металл. 35. Океанский пароход. 38. День недели. 39. Государственное пособие. 42. Болотная трава.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 45

По горизонтали:

7. Глава. 8. Севан. 9. Канун. 12. Атропин. 13. Исток. 14. Батарея. 17. Кудесник. 18. Карфаген. 19. Амо. 21. Орган. 23. Тихон. 26. Миномет. 29. Кантата. 31. Ватутин. 32. Ишим. 33. Лето. 34. Гонорар. 37. Радищев. 39. Питомец. 41. Герон. 42. Ветер. 44. Акт. 47. Аквариум. 48. Ротмистр. 51. Лопасть. 52. Почва. 53. Семафор. 54. Мороз. 55. Динго. 56. Венок.

По вертикали:

1. Плеть. 2. Автобус. 3. Лексика. 4. Барокко. 5. Лазарев. 6. Букет. 10. Винегрет. 11. Парабола. 15. Аннам. 16. Ирбит. 20. Моор. 22. Никитин. 23. Тетерев. 24. Завод. 25. Отпор. 27. «Рудин». 28. Лидер. 30. Аир. 31. Вор. 35. Алебастр. 36. Волк. 38. Ацетилен. 39. Полис. 40. Центр. 43. Эквадор. 44. Аммонит. 45. Тревога. 46. Стратег. 49. «Молох». 50. Полоз.

Знаете ли вы, что...

...асбест в России был впервые найден в 1721 году в горах Урала крестьянином Невьянского селения Сафроном Сегра. За свою находку Сегра получил вознаграждение в две полтины серебром. Крупнейшее в мире Божзновское месторождение асбеста находится в Советском Союзе на Урале, близ Свердловска.

...ледокольное судно является русским изобретением. В 1864 году кронштадтский купец Критнов срезал носовую часть у парохода «Пайлет» так, чтобы он мог взбегать на лед и обламывать его. Этот маленький пароход сделал то, что казалось невозможным: он продлил на несколько недель время навигации между Петербургом и Кронштадтом.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, И. Я. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. ГРИНШТЕЙНА

А 09494. Подписано к печати 9/XI 1948 г. Изд. № 861. 5½ печ. л. Тираж 244 000. Заказ № 2409. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

